

СОЧИНЕНІЯ А. ПУШКИНА.

IV.

СОЧИНЕНІЯ

Александра Пушкина.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭКСПЕДИЦИИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

MDCCCXXXVIII.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ, Апрѣля 3 дня 1837 года.

Ценсоръ Никитенко.

БАЛЛАДЫ.

БАЛЛАДЫ.



РУСАЛКА.



Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ,
Спасался нѣкогда монахъ,
Всегда въ занятіяхъ суровыхъ,
Въ постѣ, молитвѣ и трудахъ.
Уже лопаткою смиренной
Себѣ могилу старецъ рылъ,
И лишь о смерти вождельной
Святыхъ угодниковъ молилъ.

Однажды лѣтомъ у порогу
Поникшей хижины своей
Анахоретъ молился Богу.
Дубравы дѣлались чернѣй;
Туманъ надъ озеромъ дышимся,

И красный мѣсяць въ облакахъ
Тихонько по небу катился.
На воды сталъ глядѣть монахъ.

Глядитъ, невольно страха полный;
Не можетъ самъ себя понять . . .
И видитъ: закипѣли волны
И присмирѣли вдругъ опять . . .
И вдругъ . . . легка, какъ тѣнь ночная,
Бѣла, какъ ранній снѣгъ холмовъ,
Выходитъ женщина нагая,
И молча сѣла у береговъ.

Глядитъ на стараго монаха
И чешетъ влажные власы.
Святой монахъ дрожить со страха
И смотреть на ея красы.
Она манитъ его рукою,
Киваетъ быстро головой . . .
И вдругъ надучею звѣздою
Подъ сонной скрылася волной!

Всю ночь не спалъ старикъ угрюмой
И не молился цѣлый день:
Передъ собой съ невольной думой
Все видѣлъ чудной дѣвы тѣнь.
Дубравы вновь одѣлись тмою,

Пошла по облакамъ луна,
И снова дѣва надъ водою
Сидитъ прелестна и блѣдна.

Глядитъ, киваетъ головою,
Цалуетъ издали шутя,
Играетъ, плещется волною,
Хочетъ, плачетъ, какъ дитя,
Зоветъ монаха, нѣжно стонетъ
«Монахъ, монахъ! Ко мнѣ, ко мнѣ! . . .»
И вдругъ въ волнахъ прозрачныхъ тонетъ:
И все въ глубокой тишинѣ.

На третій день отшельникъ страстной
Близъ очарованныхъ береговъ
Сидѣлъ и дѣвы ждалъ прекрасной,
А тѣнь ложилась средь дубровъ . . .
Заря прогнала тму ночную:
Монаха не нашли нигдѣ,
И только бороду сѣдую
Мальчишки видѣли въ водѣ.



ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Младую Гречанку я страстно любилъ.

Прелестная дѣва ласкала меня;
Но скоро я дожилъ до черного дня.

Однажды я созвалъ веселыхъ гостей:
Ко мнѣ постучался презрѣнный Еврей.

Съ тобою пируютъ (шепнулъ онъ) друзья;
Тебѣ жъ измѣнила Гречанка твоя.

Я далъ ему злата и проклялъ его,
И вѣрнаго позвалъ раба моего.

Мы вышли: я мчался на быстромъ конѣ;
И кроткая жалость молчала во мнѣ.

Едва я завидѣль Гречанки порогъ,
Глаза потемнѣли, я весь изнемогъ....

Въ покой отдаленный вхожу я одинъ...
Невѣрную дѣву лобзаль Армянинъ.

Не взвидѣль я свѣта: булатъ загремѣль...
Прервать поцалуя злодѣй не успѣль.

Безглавое тѣло я долго топталъ,
И молча на дѣву, блѣднѣя, взиралъ.

Я помню моления, текущую кровь....
Погибла Гречанка, погибла любовь.

Съ главы ея мертвой снявъ черную шаль,
Отеръ я безмолвно кровавую сталь.

Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла,
Въ Дунайскія волны ихъ бросилъ тѣла.

Съ тѣхъ поръ не цалую прелестныхъ очей,
Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.



ПѢСНЬ О ВЪЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ собирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ Хозарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ Цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса, навстрѣчу ему,
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землю?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любого возмешь ты коня.

Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ неужень;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,
И съ волей небесною дружень.
«Грядущіе годы таятся вомгль;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава`отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
Твой щитъ на вратахъ Цареграда;
И волны и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь рагъ;
Незримый хранитель могущему данъ.

Твой конь не боится опасных трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смиренный стоитъ подъ стрѣлами враговъ
То мчится по бранному полю,
И холодъ и сѣча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего.»

Олеги усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачился думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладить и треплеть по шеѣ крутой.

«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга;
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай; ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся; да помни меня.
Вы, отроки-друзи, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ устцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите.»
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другаго коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ

При звонѣ веселомъ стакана.

И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ

Надъ славной главою кургана . . .

Они поминаютъ минувшіе дни,

И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

«А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ,

Скажите, гдѣ конь мой ретивый?

Здоровъ ли? Все также ль легокъ его бѣгъ?

Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?»

И внемлютъ отвѣту: на холмѣ крутомъ

Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ

И думаетъ: «что же гаданье?

Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!

Презрѣть бы твое предсказанье!

Мой конь и донынѣ носилъ бы меня.»

И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,

Съ нимъ Игорь и старые гости,

И видятъ: на холмѣ, у берега Днѣпра,

Лежатъ благородныя кости;

Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,

И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: «спи, другъ одинокой!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ съкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!»
Изъ мертвой главы гробовая змѣя
Шипя между тѣмъ выползала;
Какъ черная лента вокругъ ногъ обвилась:
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые загѣнясь шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у берега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни,
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.



ЖЕНИХЪ.

—

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на дворъ на третью ночь
Безъ памяти вбѣжала.
Съ вопросами отецъ и мать
Къ Наташѣ стали приступать.
Наташа ихъ не слышитъ,
Дрожитъ и еле дышитъ.

Тужила мать, тужилъ отецъ,
И долго приступали,
И отступились наконецъ,
А тайны не узнали.
Наташа стала, какъ была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла съ сестрами
Сидѣть за воротами.

Разъ у тесовыхъ у воротъ,
Съ подружками своими,
Сидѣла дѣвица — и вотъ
Промчалась передъ ними
Лихая тройка съ молодцомъ.
Конями, крытыми ковромъ,
Въ саняхъ онъ стоя править
И гонить всѣхъ и давить.

Онъ, поровнявшись, поглядѣлъ,
Наташа поглядѣла,
Онъ вихремъ мимо пролетѣлъ,
Наташа помертвѣла.
Стремглавъ домой она бѣжить.
Онъ! онъ! узнала! говорить,
Онъ, точно онъ! держите,
Друзья мои, спасите!

Печально слушаетъ семья,
Качая головою;
Отецъ ей: «милая моя,
Откройся предо мною.
Обидѣлъ кто тебя, скажи,
Хоть только слѣдъ намъ укажи.»
Наташа плачетъ снова.
И болѣе ни слова.

Наутро сваха къ нимъ на дворъ
Нежданая приходитъ.
Наташу хвалить, разговоръ
Съ отцомъ ея заводить:
«У васъ товаръ, у насъ купецъ;
Собою парень молодецъ,
И статной, и проворной,
Не вздорной, не зазорной.

«Богатъ, уменъ, ни передъ кѣмъ
Не кланяется впоясъ,
А какъ бояринъ между тѣмъ
Живеть, не беспокоясь;
А подарить невѣстѣ вдругъ
И лисью шубу, и жемчугъ,
И перстни золотые,
И платья парчевыя.

«Катаясь, видѣлъ онъ вчера
Ее за воротами;
Не по рукамъ ли, да съ двора,
Да въ церковь съ образами?»
Она сидитъ за широгомъ,
Да рѣчь ведетъ обинякомъ,
А бѣдная невѣста
Себѣ не видитъ мѣста.

«Согласенъ, говорить отцу;
Ступай благополучно,
Моя Наташа, подъ вѣнецъ:
Одной въ свѣтелкѣ скучно.
Не вѣкъ дѣвицей вѣковать,
Не все косаткѣ расиѣвать,
Пора гнѣздо устроить,
Чтобъ дѣтушекъ покоить.»

Наташа къ стѣнкѣ уперлась
И слово молвить захотѣть —
Вдругъ зарыдала, затряслась,
И плачетъ и хохочетъ.
Въ смятеннѣ свака къ ней бѣжить,
Водой студеною поить
И льетъ остатокъ чаши
На голову Наташи.

Крушится, охаетъ семья.
Опомнилась Наташа,
И говорить: «послушна я,
Святая воли ваша.
Зовите жениха на пирь,
Пеките хлѣбы на весь мирь,
На славу медъ варите,
Да судъ на пирь зовите.»

«Изволь, Наташа, ангель мой!

Готовъ тебѣ въ забаву
Я жизнь отдать!» — И ширь горой;
Пекутъ, варятъ на славу.
Вотъ гости честные нанли,
За столъ невѣсту повели;
Поютъ подружки, плачутъ,
А вотъ и сани скачутъ.

Вотъ и женихъ — и всѣ за столъ.

Звенять, гремятъ стаканы.
Заздравный ковшъ кругомъ пошолъ;
Все шумно, гости пьяны.
Женихъ. «А что же, милые друзья,
Невѣста красная моя
Не пьеть, не ѣсть, не служить:
О чемъ невѣста тужить?»

Невѣста женику въ отвѣтъ:

«Откроюсь наудачу.
Душѣ моею некоя нѣтъ,
И день и ночь я плачу:
Недобрый сонъ меня крушить.»
Отецъ ей: «что жъ твой сонъ гласитъ?
Скажи намъ, что такое,
Дитя мое родное?»

«Мнѣ снилось, говоритъ она,
 Зашла я въ лѣсъ дремучій,
 И было поздно; чуть луна
 Свѣтила изъ-за тучи;
 Съ тропинки сбилась я: въ глуши
 Не слышно было ни души,
 И сосны лишь да ели
 Вершинами шумѣли.

«И вдругъ, какъ будто наяву,
 Изба передо мною.
 Я къ ней, стучу — молчать. Зову —
 Отвѣта нѣтъ; съ мольбою
 Дверь отворила я. Вхожу —
 Въ избѣ свѣча горитъ; гляжу —
 Вездѣ серебро, да золото,
 Все свѣтло и богато.»

Женихъ. «А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ?
 Знать жить тебѣ богато.»

Невеста. «Постой, сударь, не конченъ онъ.
 На серебро, на золото,
 На сукна, ковріки, парчу,
 На Новгородскую камчу
 Я молча любовалась,
 И диву дивовалась.

«Вдругъ слышу крикъ и конскій топъ . . .

Подѣхали къ крылечку.

Я поскорѣ дверью хлопъ,

И спряталась за печку.

Вотъ слышу много голосовъ

Взошли двѣнадцать молодцовъ,

И съ ними голубица

Красавица-дѣвица.

«Взошли толпою, не поклонясь,

Иконъ не замѣчая;

За столъ садятся, не молясь

И шапокъ не снимая.

На первомъ мѣстѣ братъ большой,

По праву руку братъ меньшей,

По лѣву голубица

Красавица-дѣвица.

«Крикъ, хохоть, пѣсни, шумъ и звонъ,

Разгульное похмѣлье . . .»

Женихъ. «А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ?

Вѣщаетъ онъ веселье.»

Невеста. «Постой, сударь, не конченъ онъ.

Идетъ похмѣлье, громъ и звонъ.

Пиръ весело бушуетъ,

Лишь дѣвица горюетъ.

«Сидитъ, молчитъ, не ѣстъ, не пьетъ,
И токомъ слезы точить,
А старшій братъ свой ножъ беретъ,
Присвистывая точить;
Глядитъ на дѣвицу-красу,
И вдругъ хватаетъ за косу,
Злодѣй дѣвицу губить,
Ей праву руку рубить.»

Ну, это, говоритъ женихъ,
Прямая небылица!
Но не тужи, твой сонъ не лихъ,
Повѣрь, душа-дѣвица.
Она глядитъ ему въ лицо.
«А это съ чьей руки кольцо?»
Вдругъ молвила невеста,
И всѣ привстали съ мѣста.

Кольцо катится и звенить,
Женихъ дрожитъ блѣднѣя;
Смутились гости — судъ гласить:
Держи, вязать злодѣя!
Злодѣй окованъ, обличенъ,
И скоро смертію казненъ.
Прославилась Наташа!
И вся тутъ пѣсня наша.



УТОПЛЕННИКЪ.



Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
«Тятя! тятя! наши сѣти
Притащили мертвеца.»
Врите, врите, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ;
Охъ, ужъ эти мнѣ робята!
Будеть вамъ ужо мертвецъ!

Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я ввѣкъ не разберусь;
Дѣлать нечего! хозяйка,
Дай кафтанъ: ужъ поплечусь . . .
Гдѣ жъ мертвецъ? — «Вонъ, тятя, эвотъ!
Въ самомъ дѣлѣ при рѣкѣ,
Гдѣ разосланъ мокрой неводъ,
Мертвой видѣнъ на пескѣ.

Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмѣльный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ:

Мужикю какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ;
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащитъ
И отъ берега крутаго
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.

Долго мертвый межъ волнами
Плылъ качаясь, какъ живой:
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
«Вы, щенки! за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу,
Да смотрите жъ, не болтайте,
А не то, поколочу.»

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка,
Ужь лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика,
Дѣти спать, хозяйка дремлетъ,
На палатяхъ мужъ лежитъ,
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучить.

«Кто тамъ?» — Эй, впусти, хозяинь! —
«Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чортъ занесъ тебя сюда;
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно.»
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно.

Изъ-за тучъ луна катится —
Что же? голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ.
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.

И мужикъ окно захлопнулъ;
Гостя голого узнавъ,
Такъ и обмеръ: чтобъ ты лопнулъ!
Прошепталъ онъ задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались,
Трясся ночь онъ напродесть,
И доутра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорять, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочной гостя ждетъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

БѢСЫ.

—

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, Ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь . . .
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!

Эй, пошелъ, ямщикъ! . . . «Нѣтъ мочи: -
«Конямъ, баринъ, тяжело;
«Вьюга мнѣ слѣпаетъ очи;
«Всѣ дороги занесло;
«Хоть убей, слѣда не видно;
«Сбились мы. Что дѣлать намъ!
«Въ полѣ бѣсъ насъ водить, видно,
«Да кружить по сторонамъ.

«Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
 «Дуетъ, плюетъ на меня;
 «Вонъ — теперь въ оврагъ толкаетъ
 «Одичалаго коня;
 «Тамъ верстою небывалой
 «Онъ торчалъ передо мной:
 «Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
 «И пропалъ во тмѣ пустой.»

Мчатся тучи, вьются тучи;
 Невидимкою луна
 Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
 Мутно небо, ночь мутна.
 Силь намъ нѣтъ кружиться долѣ;
 Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
 Кони стали . . . — Что тамъ въ полѣ? —
 «Кто ихъ знаетъ: пень иль волкъ?»

Вьюга злится, вьюга плачетъ;
 Кони чуткіе храпятъ;
 Вонъ ужъ онъ далече скачетъ;
 Лишь глаза во мглѣ горятъ!
 Кони снова понеслися;
 Колокольчикъ динь-динь-динь . . .
 Вижу: духи собралися
 Средь бѣлѣющихъ равнинъ.

Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ . . .
Сколько ихъ! куда ихъ гонять?
Что такъ жалобно поютъ?
Домоваго ли хоронятъ,
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна,
Мчатся бѣсы рой за'роемъ.
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ . . .



ГУСАРЬ.

—

Скребницей чистилъ онъ коня,
А самъ ворчалъ, сердясь невмѣру:
«Занесъ-же вражій духъ меня
На распроклятую квартиру!»

Здѣсь челоуѣка берегутъ,
Какъ на Турецкой перестрѣлкѣ;
Насилу щей пустыхъ дадутъ,
А ужъ не думай о горѣлкѣ.

Здѣсь на тебя какъ лютый звѣрь
Глядѣть хозяйинъ, а съ хозяйкой . . .
Не бось, не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни лагайкой.

То ль дѣло Кіевъ! Что за край!
Валятся сами въ ротъ галушки,

Виномъ хотѣ пару поддавай,
А молодицы — молодушки!

Ей ей, не жаль отдать души
За взглядъ красотки *чернобровой*.
Однимъ, однимъ не хороши»
— А чѣмъ же? расскажи, служивой.

Онъ сталъ крутить свой длинный усъ
И началъ: «Молвить безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ быть, не трусь,
Да глупъ, а мы видали виды.

Ну, слушай: около Днѣпра
Стоялъ нашъ полкъ; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А мужъ-то померъ, замѣчай-ка.

Вотъ съ ней и подружился я;
Живемъ согласно, такъ что любо:
Прибью — Марусенька моя
Словечка не промолвить грубо;

Напьюсь — уложить, и сама
Опохмѣлиться приготовить;
Мигну бывало: эй, кума! —
Кума ни въ чемъ не прекословить.

Кажись, о чемъ бы горевать?
Живи въ довольствѣ, безобидно!
Да нѣтъ: я вздумалъ ревновать.
Что дѣлать? врагъ попуталъ видно.

Зачѣмъ бы ей, сталъ думать я,
Вставать до пѣтуховъ! Кто просить?
Шалить Марусенька моя!
Куда ее лукавый носить?

Я сталъ присматривать за ней.
Разъ я лежу, глаза прищуря
(А ночь была тюрьмы чернѣй
И на дворѣ шумѣла буря),

И слышу: кумушка моя
Съ печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присѣла къ печкѣ; уголь вдула,

И свѣчку тонкую зажгла,
Да въ уголокъ пошла со свѣчкой,
Тамъ съ полки скляночку взяла,
И сѣвъ на вѣникъ передъ печкой,

Раздѣлась донага; потомъ
Изъ склянки три раза хлѣбнула,

И вдругъ на вѣнникѣ вержомъ
Взвилась въ трубу и улизнула.

Эге! смѣкнулъ виннугу я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя! ...
И съ печки слѣзь — и вижу: склянка.

Понюхаль: кисло! что за дрянь!
Плеснулъ я на полъ: что за чудо?
Прыгнулъ ухватъ, за нимъ лохань,
И оба въ печь. Я вижу: худо!

Гляжу: подъ лавкой дремлетъ котъ;
И на него я брызнулъ склянкой —
Какъ фыркнетъ онъ! я: брысь! И вотъ
И онъ туда же за лоханкой.

Я ну кропить во всѣ углы
Сплетча, во что ужъ ни попало;
И все: горшки, скамьи, столы,
Маршъ! маршъ! все въ печь, поскакало.

Кой чортъ! подумаль я: теперь
И мы попробуемъ! и духомъ
Всю склянку вышилъ; вѣрь не вѣрь —
Но кверху вдругъ взвился я пухомъ.

Стремглавъ лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу:
Правѣй! . . . и наземь упадаю.

Гляжу: гора. На той горѣ
Кипятъ котлы; поютъ, играютъ,
Свистятъ, и въ мерзостной игрѣ
Жида съ лягушкою вѣнчаютъ.

Я плюнулъ и сказать хотѣлъ
И вдругъ бѣжить моя Маруся:
Домой! Кто звалъ тебя, пострѣлъ?
Тебя съѣдятъ! Но я, не струсю:

«Домой? да! чорта съ два! почему
Мнѣ знать дорогу!» — Ахъ, онъ странный!
Вотъ кочерга, садись верхомъ
И убирайся, окаянный. —

«Чтобъ я, я сѣлъ на кочергу,
Гусарѣ присяжный! Ахъ, ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

Коня!» — На, дурень, вотъ и конь.
И точно: конь передо мною,

Скребеть копытомъ, весь огонь,
Дугою шея, хвостъ трубою.

Садись. — Вотъ сѣлъ я на коня,
Ищу уздечки — нѣтъ уздечки.
Какъ взвился, какъ понесъ меня —
И очутились мы у печки.

Гляжу: все также; самъ же я
Сижу верхомъ, и подо мною
Не конь — а старая скамья:
Вотъ что случается порою.»

И сталъ крутить онъ длинный усъ,
Прибавя: «молвить безъ обиды,
Ты хлопещъ, можетъ быть не трусь,
Да глушь, а мы видали виды.»



БУДРЫСЪ И ЕГО СЫНОВЬЯ

Три у Будрыса сына, какъ и онъ, три Литвина.
Онъ пришелъ толковать съ молодцами.
Дѣти! сѣдла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи съ бердышами.

Справедлива вѣсть эта: на три стороны свѣта
Три замыщены въ Вильнѣ похода,
Пазъ идетъ на Поляковъ, а Ольгердъ на Прусаковъ,
А на Русскихъ Кестуть воевода.

Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранять васъ Литовскіе боги!).
Нынче самъ я не ѣду, васъ я шлю на побѣду;
Трое васъ, вотъ и три вамъ дороги.

Будетъ всѣмъ по наградѣ: пусть одинъ въ Новѣградѣ
Поживится отъ Русскихъ добычей.

Жены ихъ, какъ въ одеждахъ, въ драгоценныхъ нарядахъ;
Домы полны; богатъ ихъ обычай.

А другой отъ Прусаковъ, отъ проклятыхъ Крыжаковъ,
Можетъ много достать дорогаго,
Денегъ съ цѣлаго свѣта, суконъ яркаго цвѣта —
Янтарю — что песку тамъ морскаго.

Третій съ Пазомъ на Ляха пусть ударить безъ страха:
Въ Польшѣ мало богатства и блеску,
Сабель взять тамъ нехудо; но ужъ вѣрно оттуда
Привезетъ онъ мнѣ на домъ невѣстку.

Нѣтъ на свѣтѣ царицы краше Польской дѣвицы.
Весела — что котенокъ у печки —
И какъ роза румяна, а бѣла что сметана;
Очи свѣтятся будто двѣ свѣчки!

Былъ я, дѣти, моложе, въ Польшу съѣздивъ я тоже,
И оттуда привезъ себѣ жонку;
Вотъ и вѣкъ доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, какъ гляжу въ ту сторонку.

Сыновья съ нимъ простились и въ дорогу пустились.
Ждетъ, пождетъ ихъ старикъ домовитый,
Дни за днями проводить; ни одинъ не приходитъ.
Будрысь думаль: ужъ видно убиты!

Снѣгъ на землю валится, сынъ дорогою мчится,
И подъ буркою ноша большая.

«Чѣмъ тебя надѣлили? что тамъ? Ге! не рубли ли?»

— Нѣтъ, отецъ мой, Полячка младая.

Снѣгъ пушистый валится, всадникъ съ ношею мчится;
Черной буркой ее покрывая.

«Что подъ буркой такое? Не сукно ли цвѣтное?»

— Нѣтъ, отецъ мой, Полячка младая.

Снѣгъ на землю валится, третій съ ношею мчится,
Черной буркой ее прикрываетъ.

Старый Будрысъ хлопочетъ, и спросить ужъ нехочетъ,

А гостей на три свадьбы сзываетъ.



ВОЕВОДА.

Поздно ночью изъ похода
Воротился Воевода.
Онъ слугамъ велитъ молчать;
Въ спальню кинулся къ постелѣ;
Дернулъ пологъ Въ самомъ дѣлѣ!
Никого; пуста кровать.

И мрачнѣе черной ночи,
Онъ потушилъ грозны очи,
Сталъ крутить свой сивый усъ
Рукава назадъ закинулъ,
Вышелъ вонъ, замокъ задвинулъ,
«Гей, ты, кликнулъ, чортовъ кусъ!

«А зачѣмъ нѣтъ у забора
Ни собаки, ни затвора:
Я, васъ, хамы! Дай ружье;
Приготовь мѣшокъ, веревку,

Да сними съ гвоздя винтовку.
Ну, за мною! я жъ ее!»

Пань и хлопецъ подъ заборомъ,
Тихимъ крадутся дозоромъ,
Входятъ въ садъ — и сквозь вѣтвей,
На скамейкѣ у фонтана,
Въ бѣломъ платьѣ, видятъ, панна —
И мужчина передъ ней.

Говорить онъ: «Все пронало,
Чѣмъ лишь только я; бывало,
Наслаждался, что любилъ:
Бѣлой груди воздыханье,
Нѣжной ручки пожиманье —
Воевода все купилъ.

Сколько лѣтъ тобой страдалъ я,
Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
Отъ меня ты отперлась.
Не искалъ онъ, не страдалъ онъ,
Серебромъ лишь побряцалъ онъ,
И ему ты отдалась.

Я скакалъ во мракѣ ночи
Милой панны видѣть очи,
Руку нѣжную пожать;

Пожелать для новоселья
Много лѣтъ ей и веселья,
И потомъ навѣкъ бѣжать.»

Панна плачетъ и тоскуетъ,
Онъ колѣна ей цалуетъ,
А сквозь вѣтви тѣ глядятъ,
Ружья наземь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполомъ зарядъ.

Подступили осторожно.
«Панъ мой, цѣлить мнѣ не можею,»
Бѣдный хлопецъ прошепталъ:
«Вѣтеръ, что ли, плачутъ очи,
Дрожь беретъ; въ рукахъ нѣтъ мочи,
Порохъ въ полку не попалъ.»

— Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мнѣ время!
Сышь на полку Наводи . . . ,
Цѣль ей въ лобъ. Лѣвѣ выше.
Съ паномъ справлюсь самъ. Потише;
Прежде я; ты погоди.»

Выстрѣлъ по саду раздался.
Хлопецъ пана не дождался;

Воевода закричалъ,
Воевода пошатнулся
Хлопецъ видно промахнулся:
Прямо въ лобъ ему попалъ.



ПРОСТОНАРОДНЫЕ СКАЗКИ.

СКАЗКА

**О ЦАРЬ САЛТАНѢ, О СЫНѢ ЕГО, СЛАВНОМЪ И МОГУЧЕМЪ
БОГАТЫРѢ КНЯЗѢ ГВИДОНѢ САЛТАНОВИЧѢ И О ПРЕКРАСНОЙ
ЦАРЕВНѢ ЛЕБЕДИ.**

СКАЗКА

о царѣ Салтанѣ, о сынѣ его, славномъ и могучемъ
богатырѣ князѣ Гвидонѣ Салтановичѣ и о прекрасной
царевнѣ Лебеди.

Три дѣвицы подѣ окномъ
Пряли поздно вечеркомъ.
Кабы я была царица,
Говорить одна дѣвица,
То сама на весь бы мѣръ
Приготовила я пиръ.
Кабы я была царица,
Говорить ея сестрица,
То на весь бы мѣръ одна
Наткала я полотно.
Кабы я была царица,
Третья молвила сестрица,
Я бѣ для батюшки-царя
Родила богатыря.

Только вымолвить успѣла,
Дверь тихонько заскрипѣла,

Толь IV.

И въ свѣтлицу входитъ царь,
Стороны той государь.
Во всё время разговора
Онъ стоялъ позадь забора;
Рѣчь послѣдней по всему
Полюбилася ему.
Здравствуй, красная дѣвица,
Говорить онъ, будь царица
И роди богатыря
Мнѣ къ исходу сентября.
Вы жъ, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь изъ свѣтлицы,
Поѣзжайте вслѣдъ за мной,
Вслѣдъ за мной и за сестрой:
Будь одна изъ васъ ткачиха,
А другая повариха.

Въ сѣни вышелъ царь-отецъ.
Всѣ пустились во дворецъ.
Царь недолго собирался:
Въ тотъ же вечеръ обвѣнчался.
Царь Салтанъ за пиръ честной
Сѣлъ съ царицей молодой;
А потомъ честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодыхъ
И оставили однихъ.

Въ кухнѣ злится повариха,
Плачетъ у станка ткачиха —
И завидуютъ онѣ
Государевой женѣ.
А царица молодая,
Обѣщанье выполняя,
Съ той же ночи понесла.

Въ тѣ-поры война была.
Царь Салтанъ, съ женой простяся,
На добра-коня садяся,
Ей наказывалъ себя
Побережь, его любя.
Между тѣмъ, какъ онъ далеко
Бьется долго и жестоко,
Наступаетъ срокъ родинѣ;
Сына Богъ имъ далъ въ аршанѣ.
И царица надъ ребенкомъ,
Какъ орлица надъ орленкомъ;
Шлеть съ письмомъ она гонца,
Чтобъ ~~обрадовать отца~~
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотятъ,
Перенять гонца велятъ;
Сами шлютъ гонца другаго
Вотъ съ чѣмъ отъ слова до слова:

«Родила царица въ ночь
«Не то сына, не то дочь;
«Не мышенка, не лягушку,
«А невѣдому звѣрюшку.»

Какъ услышалъ царь-отецъ,
Что донесъ ему гонецъ,
Въ гнѣвъ началъ онъ чудесить
И гонца хотѣлъ повѣсить;
Но, смягчившись на сей разъ,
Далъ гонцу такой приказъ:
«Ждать царева возвращенья
«Для законнаго рѣшенья.»

Ѣдетъ съ грамотой гонецъ,
И прѣхалъ наконецъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой
Обождать его велить;
Допьяна гонца поять
И въ суму его пустую
Суютъ грамоту другую —
И привезъ гонецъ хмѣльной
Въ тотъ же день приказъ такой:
«Царь велить своимъ боярамъ,
Времени не тратя даромъ,
И царицу и приплодъ

Тайно бросить въ бездну водъ.»
Дѣлать нечего: бояре,
Потуживъ о государѣ
И царицѣ молодой,
Въ спальню къ ней пришли толпой.
Объявили царскую волю —
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслухъ указъ,
И царицу въ тотъ же часъ
Въ бочку съ сыномъ посадили,
Засмолили, покатали
И пустили въ окіянь —
Такъ велѣлъ-де царь Салтанъ.

Въ синемъ небѣ звѣзды блещутъ,
Въ синемъ морѣ волны клещутъ;
Туча по небу идетъ,
Бочка по морю плыветъ.
Словно горькая вдовица,
Плачетъ, бьется въ ней царица;
И растетъ ребенокъ тамъ
Не по днямъ, а по часамъ.
День прошелъ, царица вопить...
А дитя волну торопить:
«Ты, волна моя, волна!
«Ты гульлива и вольна;
«Плещешь ты, куда захочешь,

«Ты морскіе камни точишь,
«Топишь берегъ ты земли,
«Подымаешь корабли —
«Не губи ты нашу душу:
«Выплесни ты насъ на сушу!»

И послушалась волна:
Тутъ же на берегъ она
Бочку вынесла легонько,
И отхлынула тихонько.
Мать съ младенцемъ спасена;
Землю чувствуетъ она.
Но изъ бочки кто ихъ вынетъ?
Богъ неужь то ихъ покинетъ?
Сынъ на ножки поднялся,
Въ дно бочковкой уперся,
Понатужился немножко:
Какъ бы здѣсь на дворъ окошко
Намъ продѣлать? молвилъ онъ,
Вышибъ дно и вышелъ вонъ.

Мать и сынъ теперь на волѣ;
Видятъ холмъ въ широкомъ полѣ,
Море синее кругомъ,
Дубъ зеленый надъ холмомъ.
Сынъ подумалъ: добрый ужинъ
Былъ бы намъ однако пужень.
Ломить онъ у дуба сукъ

И въ тугой сгибаетъ лукъ,
Со креста снурокъ шелковой
Натянулъ на лукъ дубовой,
Тонку тросточку сломилъ
Стрѣлкой легкой заострилъ,
И пошелъ на край долины
У моря искать дичины.

Къ морю лишь подходитъ онъ,
Вотъ и слышнѣтъ будто стоишь . . .
Видно на морѣ не тихо;
Смотрить — видить дѣло лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршунъ носится надъ ней;
Та бѣдняжка такъ и плещеть,
Воду вокругъ мутить и хлещеть . . .
Тотъ ужъ когти распустилъ,
Клевъ кровавый наострилъ . . .
Но какъ разъ стрѣла запыла,
Въ шею коршуна задѣла —
Коршунъ въ море кровь пролилъ,
Лукъ царевичъ опустилъ;
Смотрить: коршунъ въ море тонеть
И не птичьимъ крикомъ стоицетъ,
Лебедь около плыветъ,
Злаго коршуна клюетъ,

Гибель близкую торопить,
Бьетъ крыломъ и въ морѣ топить —
И царевичу потомъ
Молвить Русскимъ языкомъ:
Ты, царевичъ, мой спаситель,
Мой могучій избавитель,
Не тужи, что за меня
Бсть не будешь ты три дня,
Что стрѣла пропала въ морѣ;
Это горе — все не горе.
Отплатчу тебѣ добромъ,
Сослужу тебѣ котомъ:
Ты не лебедь вѣдь избавилъ,
Дѣвицу вживыхъ оставилъ;
Ты не коршуна убилъ,
Чародѣя подстрѣлилъ.
Вѣкъ тебѣ я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись.

Улетѣла лебедь-птица, ..
А царевичъ и-царяца,
Цѣлый день провели такъ,
Лечь рѣшились натоцакъ.
Вотъ открылъ царевичъ очи!

Отряса грезы ночи
И дивясь, шередь собой
Видитъ городъ онъ большой;
Стѣны съ частыми зубцами,
И за бѣлыми стѣнами
Влещутъ маковки церквей
И святыхъ монастырей.
Онъ скорѣй царицу будитъ;
Та какъ жинеть! . . . То же будетъ
Говоритъ онъ, вижу я:
Лебедь тѣшится моя.
Мать и сынъ идутъ ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвонъ
Поднялся со всѣхъ сторонъ:
Къ нимъ народъ навстрѣчу валить,
Хоръ церковный Бога хвалить;
Въ колымагахъ золотыхъ
Пышный дворъ встрѣчаетъ ихъ;
Всѣ ихъ громко величаютъ,
И царица ~~въ дворѣ~~
Княжей шапкой; ~~и~~ главою
Возглашаютъ надъ собой:
И среди своей столицы,
Съ разрѣшенія царицы,
Въ тотъ же день сталъ княжить онъ
И нарекъся: князь Гвидонъ.

Вѣтеръ на морѣ гулетъ
И корабликъ подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ.
Корабельщики дивятся,
На корабликъ толпятся,
На знакомомъ острову
Чудо видятъ наяву:
Городъ новый златоглавой,
Пристань съ крѣпкою заставой —
Пушки съ пристани палить,
Кораблю пристать велить.
Пристаютъ къ заставѣ гости:
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ вгости,
Ихъ онъ кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ:
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали соболями,
Чернобурьими лисами;
А теперь намъ вынцель срокъ,
Бдемъ прямо на востокъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Самтана
Князь имъ вымолвилъ тогда:

Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіану
Къ славному царю Салтану:
Отъ меня ему поклонъ.
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Съ берега душой печальной
Провождаетъ бѣгъ ихъ дальной;
Глядь — поверхъ текущихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?
Говорить она ему.
Князь печально отвѣчаетъ:
Грусть-тоска меня съѣдаетъ,
Одолѣла молодца:
Видѣть я бѣ хотѣлъ отца.
Лебедь князю: вотъ въ чемъ горе!
Ну, послушай: хочешь въ море
Полетѣть за кораблемъ?
Будь же, князь, ты комаромъ,
И крылами захватай,
Воду съ шумомъ расплескала,
И обрызгала его
Съ головы до ногъ всего.
Тутъ онъ въ точку уменьшился,
Комаромъ оборотился,

Полетѣль и запищаль,
Судно на морѣ догналь,
Потихоньку опустился
На корабль — и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумить,
Судно весело бѣжить
Мимо острова Буяна,
Къ царству славнаго Салтана,
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости —
И за ними во дворець
Полетѣль нашъ удалецъ.
Видить: весь сія въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ;
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ
И въ глаза ему глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго-ль ѣздили? куда?

Ладно ль за моремъ, или худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье нехудо,
Въ свѣтѣ жь вотъ какое чудо:
Въ морѣ островъ былъ крутой,
Непривольный, нежилой;
Онъ лежалъ пустой равниной;
Росъ на немъ дубокъ единой;
А теперь стоитъ на немъ
Новый городъ со дворцемъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами,
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду;
Молвитъ онъ: коль живъ я буду,
Чудной островъ навѣщу,
У Гвидона погощу.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Вабарихой,
Не хотять его пустить
Чудной островъ навѣститъ.
«Ужъ диковинка, ну право,
Подмигнувъ другимъ лукаво,
Повариха говорить,

Городъ у моря стоитъ!
Знайте, вотъ что не бездѣлка:
Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка,
Бѣлка пѣсенки поетъ
И орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра — чистый изумрудъ:
Вотъ что чудомъ-то зовутъ.
Чуду царь Салтанъ дивится,
А комаръ-то злится, злится —
И впился комаръ какъ разъ
Теткѣ прямо въ правой глазъ.
Повариха поблѣднѣла,
Обмерла и окривѣла.
Слуги, сватья и сестра
Съ крикомъ ловятъ комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя! . . .» А онъ въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.

Слова князь у моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ,
Здравствуй, князь ты мой прекрасной!

Что жь-ты тихъ; какъ день ненастной?

Опечалился чему?

Говорить она ему.

Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:

Грусть-тоска меня съѣдаетъ;

Чудо чудное завестъ

Мнѣ бь хотѣлось. Гдѣ-то есть:

Ель въ лѣсу, подь елью бѣлка;

Диво, право, не бездѣлка —

Бѣлка пѣсенки поетъ,

Да орѣшки все грызетъ,

А орѣшки не простые,

Все скорлупки золотыя,

Ядра — чистый изумрудъ;

Но, быть можетъ, люди врутъ.

Князю лебедь отвѣчаетъ:

«Свѣтъ о бѣлкѣ правду баетъ;

«Это чудо знаю я;

«Полно, князь, душа моя,

«Не печалься; рада службу

«Оказать тебѣ я вдружбу.»

Съ ободренною душой

Князь пошелъ себѣ домой;

Лишь ступилъ на дворъ широкой —

Что жь? подь елкою высокой,

Видить, бѣлочка при всѣхъ

Золотой грызетъ орѣхъ,

Изумрудецъ вынимаетъ,
А скорлупку собираетъ,
Кучки ровныя кладетъ,
И съ присвисточкой поетъ
При честномъ, при всемъ народѣ:
Во саду ли, въ огородѣ.

Изумился князь Гвидонъ.
Ну, спасибо, молвилъ онъ,
Ай-да лебедь — дай ей Боже,
Что и мнѣ, веселье тоже.
Князь для бѣлочкы потомъ
Выстроилъ хрустальный домъ,
Караулъ къ нему приставилъ
И притомъ дьяка заставилъ
Строгій счетъ орѣхамъ вести.
Князю прибыль, бѣлкѣ честь.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ:
Онъ бѣжить себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутаго,
Мимо города большаго;
Пушки съ пристани палатъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости:
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ вгости,

Ихъ и кормить и поить
И отвѣтъ держать велить:
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали мы конями,
Все Донскими жеребцами,
А теперь намъ вышелъ срокъ —
И лежитъ намъ путь далекъ:
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана...
Говорить имъ князь тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окляну
Къ славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидонъ
Шлетъ царю-де свой поклонъ.

Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь — а лебедь тамъ
Ужъ гуляетъ по волнамъ.
Молить князь: душа-де просить,
Такъ и тянеть и уносить....
Вотъ опять она его
Вмигъ обрызгала всего:

Въ муху князь оборотился,
Полетѣль и опустился
Между моря и небесъ
На корабль — и въ щель залѣзь.

Вѣтеръ весело шумить,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана —
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна;
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ вгости,
И за ними во дворець
Полетѣль нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сія въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ.
А ткачиха съ Бабарихой,
Да съ кривою поварихой,
Около царя сидятъ,
Злыми жабами глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго-ль ѣздили? куда?

Ладно ль за моремъ, иль худо,
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье пехудо;
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами да садами;
Ель растетъ передъ дворцемъ,
А подъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка тамъ живетъ ручная,
Да затѣйница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра — чистый изумрудъ;
Слуги бѣлку стерегутъ,
Служать ей прислугой разной —
И приставленъ дьякъ приказной
Строгий счетъ орѣхамъ вестъ;
Отдаетъ ей войско честь;
Изъ скорлупокъ льютъ монету,
Да пускаютъ въ ходъ по свѣту;
Дѣвки сыплютъ изумрудъ

Въ кладовыя, да подспудъ:
Всѣ въ томъ островѣ богаты,
Изобъ нѣтъ, вездѣ палаты;
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ,
Онъ присладе тебѣ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду.
Если только живъ я буду,
Чудный островъ навѣщу,
У Гвидона погощу.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ его пустить.
Чудный островъ навѣститъ.
Усмѣхнувшись изподтиха,
Говоритъ царю ткачиха:
Что тутъ дивнаго? ну, вотъ!
Бѣлка камешки грызетъ,
Мечетъ золото, и въ груды
Загребаетъ изумруды;
Этимъ насъ не удивишь,
Правду ль, нѣтъ ли, говоришь.
Въ свѣтѣ есть иное диво:
Морѣ вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Разольется въ шумномъ бѣгѣ
И очутятся на брегѣ

Въ чешуѣ, какъ жарь горя,
Тридцать-три богатыря,
Всѣ красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ наподборъ —
Съ ними дядька Черноморь.
Это диво, такъ ужъ диво,
Можно молвить справедливо!
Гости умные молчатъ,
Спорить съ нею не хотятъ.
Диву царь Салтанъ дивится,
А Гвидонъ-то злится, злится....
Зажужжалъ онъ и какъ разъ
Теткѣ съѣлъ на лѣвой глазъ,
И ткачиха поблѣднѣла:
Ай! и тутъ же окривѣла;
Всѣ кричатъ: лови, лови,
Да дави ее, дави....
Вотъ ужо! постой немножко,
Погоди.... А князь въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море прилетѣлъ!

Князь у синя моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь: поверхъ текучихъ водъ

Лебедь бѣлая плыветь.

«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!

Что ты тихъ, какъ день ненастной?

Опечалился чему?»

Говорить она ему.

Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:

Грусть-тоска меня съѣдаетъ —

Диво бѣ дивное хотѣлъ

Перенести я въ мой удѣлъ.

«А какое-жь это диво?»

— Гдѣ-то вздуется бурливо

Окіянь, подыметъ вой,

Хлынетъ на берегъ пустой,

Расплеснется въ шумномъ бѣгѣ,

И очутятся на берегѣ,

Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,

Тридцать-три богатыря,

Всѣ красавцы молодые,

Великаны удалые,

Всѣ равны какъ наподборъ,

Съ ними дядька Черноморъ. —

Князю лебедь отвѣчаетъ:

Вотъ что, князь, тебя смущаетъ?

Не тужи, душа моя,

Это чудо знаю я.

Эти витязи морскіе

Мнѣ вѣдь братья всѣ родные
Не печалься же, ступай,
Вгости братцевъ поджидай.

Князь пошелъ, забывши горе,
Сѣлъ на башню, и на море
Сталъ глядѣть онъ; море вдругъ
Всколыхалось вокругъ,
Расплескалось въ шумномъ бѣгѣ,
И оставило на брегѣ
Тридцать-три богатыря;
Еъ чешуѣ какъ жаръ горя,
Идутъ витязи четами,
И блистая сѣдинами
Дядька впереди идетъ
И ко граду ихъ ведетъ.
Съ башни князь Гвидонъ сбѣгаетъ,
Дорогихъ гостей встрѣчаетъ;
Второпяхъ народъ бѣжитъ;
Дядька князю говоритъ:
Лебедь насъ къ тебѣ послала
И наказомъ наказала
Славный городъ твой хранить
И дозоромъ обходить.
Мы отнынѣ ежедневно
Вмѣстѣ будемъ непременно
У высокихъ стѣнъ твоихъ

Выходить изъ водъ морскихъ.
Такъ увидимся мы вскорѣ,
А теперь жора намъ въ море;
Тяжекъ воздухъ намъ земли.
Всѣ потомъ домой ушли.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ;
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутаго,
Мимо города большаго;
Пушки съ пристани палатъ,
Кораблю пристава велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости.
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Ихъ и кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ:
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете?
И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
Торговали мы булатомъ,
Чистымъ серебромъ и златомъ,
И теперь намъ вышелъ срокъ;
А лежитъ намъ путь далекъ,
Мимо острова Буяна,

Въ царство славнаго Салтана.
Говорить имъ князь тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіану
Къ славному царю Салтану.
Да скажите-жь: князь Гвидонъ
Шлетъ-де свой царю поклонъ.

Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь, а лебедь тамъ
Ужь гуляетъ по волнамъ.
Князь опять: душа-де просить...
Такъ и тянетъ, и уносить...
И опять она его
Вмигъ обрызгала всего.
Тутъ онъ очень уменьшился,
Шмелемъ князь оборотился,
Полетѣлъ и зажужжалъ;
Судно на морѣ догналъ,
Потихоньку опустился
На корму — и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумитъ,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Въ царство славнаго Салтана,

И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости.
Царь Салтанъ зоветъ ихъ вгости,
И за ними во дворецъ
Полетѣль нашъ удалецъ.
Видитъ, весь сїя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ —
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье нехудо;
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,
Каждый день идетъ тамъ диво:

Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ —
И останутся на брегѣ
Тридцать-три богатыря,
Въ чешуѣ златой горя,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ наподборъ;
Старый дядька Черноморъ
Съ ними изъ моря выходить
И попарно ихъ выводить,
Чтобы островъ тотъ хранить
И дозоромъ обходить :
И той стражи нѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А сидитъ тамъ князь Гвидонъ,
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду.
Коли живъ я только буду,
Чудный островъ навѣщу
И у князя погощу.
Повариха и ткачиха
Ни гугу — но Бабариха
Усмѣхнувшись говорить :
Кто насъ этимъ удивить?

Люди изъ моря выходятъ
И себѣ дозоромъ бродятъ;
Правду ль баютъ или лгутъ,
Дива я не вижу тутъ.
Въ свѣтѣ есть такія-ль дива?
Вотъ идетъ молва правдива:
За моремъ царица есть,
Что не можно глазъ отвести:
Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ,
Мѣсяцъ подъ косою блещетъ,
А во лбу звезда горитъ.
А сама-то величавъ,
Вышываетъ, будто нава;
А какъ рѣчь то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Молвить можно справедливо,
Это диво, такъ ужъ диво.
Гости умные молчатъ:
Спорить съ бабой не хотятъ.
Чуду царь Салтанъ дивится —
А царица хоть и злится,
Но жалѣетъ онъ отецъ
Старой бабушки своей:
Онъ надъ ней жужжитъ, кружится —
Прямо на носъ къ ней садится,
Носъ ужалилъ богатырь:

На носу вскоцилъ воддырь.
И опять пошла тревога:
Помогите, ради бога!
Карауль! лови, лови,
Да дави его, дави
Вотъ ужо! цюжди немножко,
Погоди! . . . А шмель въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣль
Черезъ море полетѣль.

Князь у синя моря ходить,
Съ синя моря глазъ не сводить;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветь.
«Здравствуй, князь, ты мой прекрасной!
Что жъ ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?»
Говорить она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
Грусть-тоска меня събдасть:
Люди женятся, гляжу,
Неженать лишь я хожу.
«А кого же напримѣтъ
Ты имѣешь?» — Да на свѣтъ,
Говорять, царевна есть,
Что не можно глазъ отвести.
Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,

Ночью землю освѣщаетъ —
Мѣсяцъ подѣ косою блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава;
Сладку рѣчь-то говоритъ,
Будто рѣченка журчитъ.
Только, полно, правда ль это? —
Князь со страхомъ ждетъ отвѣта.
Лебедь бѣлая молчитъ
И подумавъ говоритъ:
Да! такая есть дѣвица:
Но жена не рукавица:
Съ бѣлой ручки не стряхнешь,
Да за поясъ не заткнешь.
Услужу тебѣ совѣтомъ —
Слушай: обо всемъ объ этомъ
Пораздумай ты путемъ,
Не раскаяться бѣ потомъ.
Князь предъ нею сталъ божиться,
Что пора ему жениться,
Что объ этомъ обо всемъ
Передумалъ онъ путемъ;
Что готовъ душею страстной
За царевною прекрасной
Онъ пѣшкомъ итти отсель,
Хоть за тридевять земель.

Лебедь тутъ вздохнувъ: глубоко,
Молвила: зачѣмъ далеко?
Знай, близка судьба твоя,
Вѣдь царевна эта — я.
Тутъ она, взмахнувъ крылами,
Полетѣла надъ волнами
И на берегъ съ высоты,
Опустилася въ кусты,
Встрепенулася, отряхнула
И царевной обернулась:
Мѣсяць подъ косою блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава;
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Князь царевну обнимаетъ,
Къ бѣлой груди прижимаетъ
И ведетъ ее скорѣй
Къ милой матушкѣ своей.
Князь ей въ ноги, умоляя:
Государыня родная!
Выбралъ я жену себѣ,
Дочь послушную тебѣ.
Просимъ оба разрѣшенья,
Твоего благословенья:
Ты дѣтей благослови

Жить въ совѣтѣ и любви.
Надъ главою ихъ покорной
Мать съ иконою чудотворной
Слезы льетъ и говоритъ:
«Богъ васъ, дѣти, наградить.»
Князь не долго собирался,
На царевнѣ обвѣнчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ
Мимо острова крутаго,
Мимо города большаго;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велитъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости.
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Онъ ихъ кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ:
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы обвѣхали весь свѣтъ;
Торговали мы не даромъ

Неуказаннымъ товаромъ;
А лежитъ намъ путь далекъ:
Восвояси на востокъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана.
Князь имъ вымолвилъ тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіану
Къ славному царю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:
Къ намъ онъ вгости общался,
А доселѣ не собрался.
Шлю ему я свой поклонъ.
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Дома на сей разъ остался
И съ женою не разстался.

Вѣтеръ весело шумить,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Къ царству славнаго Салтана,
И знакомая страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости.
Царь Салтанъ зоветъ ихъ вгости.
Гости видятъ: во дворцѣ

Царь сидитъ въ своемъ вѣнцѣ,
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ,
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго-ль ѣздили? куда?
Ладно-ль за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ,
За моремъ житье нехудо,
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами;
Ель растетъ передъ дворцомъ,
А надъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка въ немъ живетъ ручная,
Да чудесница какая!
Бѣлка пѣсеньки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ;
А орѣшки не простыя
Скорлупы-то золотыя,

Ядра—чистый изумрудъ;
Бѣлку желятъ, берегутъ.
Тамъ еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ
И очутятся на брегѣ
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать-три богатыря,
Всѣ красавицы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ наподборъ —
Съ ними дядька Черноморъ.
И той стражи нѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А у князя женка есть,
Что не можно глазъ отвести:
Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ;
Мѣсяцъ подъ косою блещетъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
Князь Гвидонъ тотъ городъ правитъ,
Всякъ его усердно славитъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ,
Да тебѣ пѣняетъ онъ:
Къ намъ-де вгости обѣщанъ,

А доселѣ не собрался.
Тутъ ужъ царь не утерпѣлъ,
Снарядить онъ флотъ велѣлъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ царя пустить
Чудной островъ навѣстить.
Но Салтанъ имъ не внимаетъ
И, какъ разъ ихъ унимаетъ :
«Что я? царь или дитя?»
Говоритъ онъ не шутя :
«Нынче-жъ ѣду!» — Тутъ онъ топнулъ,
Вышелъ вонъ и дверью хлопнулъ.

Подъ окномъ Гвидонъ сидитъ,
Молча на море глядитъ :
Не шумитъ оно, не хлещетъ,
Лишь едваедва трепещетъ,
И въ лазоревой дали
Показались корабли:
По равнинамъ окіяна
Ѣдетъ флотъ царя Салтана.
Князь Гвидонъ тогда вскочилъ,
Громогласно возопилъ:
«Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:

Ѣдетъ батюшка сюда.»
Флотъ ужь къ острову подходитъ.
Князь Гвидонъ трубу наводитъ:
Царь на палубѣ стоитъ,
И въ трубу на нихъ глядитъ.
Съ нимъ ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются онѣ
Незнакомой сторонѣ.
Разомъ пушки запалили;
Въ колокольняхъ зазвонили;
Къ морю самъ идетъ Гвидонъ;
Тамъ царя встрѣчаетъ онъ
Съ поварихой и ткачихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой;
Въ городъ онъ повель царя,
Ничего не говоря.

Всѣ теперь идутъ въ палаты
У воротъ блистаютъ латы,
И стоятъ въ глазахъ царя.
Тридцать-три богатыря,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны какъ наподборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.
Царь ступилъ на дворъ широкой:

Тамъ подь елкою высокою
Бѣлка пѣсенку поеть,
Золотой орѣхъ грызеть,
Изумрудецъ вынимаетъ
И въ мѣшечекъ опускаетъ;
И засѣянъ дворъ большой
Золотою скорлупой.
Гости далѣ — торопливо,
Смотрять — что жь? княгиня — диво:
Подъ косою луна блеститъ,
А во лбу звезда горитъ;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава,
И свекровь свою ведетъ.
Царь глядитъ — и узнаетъ. . . .
Въ немъ разыграло ретивое!
«Что я вижу? что такое?
Какъ!» и духъ въ немъ занялся. . . .
Царь слезами залился,
Обнимаетъ онъ царицу
И сынка и молодицу,
И садятся всѣ за столъ;
И веселый пиръ пошелъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Разбѣжались по угламъ;
Ихъ нашимъ насмѣ тамъ.

Туть во всемъ онѣ признались,
Повинились, разрыдались.
Царь для радости такой
Отпустилъ всѣхъ трехъ домой.
День прошелъ — царя Салтана
Уложили спать вполъяна.
Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ —
И усы лишь обмочилъ.



СКАЗКА

О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

СКАЗКА

о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ.



Царь съ царицею простился,
Въ путь-дорогу снаряжился,
И царица у окна
Съла ждать его одна.
Ждетъ-пождетъ съ утра до ночи.
Смотрить въ поле, инда очи
Разболѣлись гляючи
Съ бѣлой зори до ночи :
Не видать милаго друга!
Только видить : вьется вьюга,
Снѣгъ валится на поля,
Вся бѣлешенька земля.
Девять мѣсяцевъ проходитъ,
Съ поля глазъ она не сводитъ.
Вотъ въ сочельникъ въ самый, въ ночь,
Богъ даетъ царицѣ дочь,
Рано утромъ гость желанный,
День и ночь такъ долго жданный,
Издальца, наконецъ

Воротился царь-отецъ.
На него она взглянула,
Восхищенья не снесла,
Тяжелешенько вздохнула,
И къ обѣднѣ умерла.

Долго царь былъ неутѣшенъ;
Но какъ быть? и онъ былъ грѣшенъ;
Годъ прошелъ какъ сонъ пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица
Ужъ и впрямъ была царица:
Высока, стройна, бѣла;
И умомъ и всѣмъ взяла;
Но за то горда, лѣзлива,
Своеправна и ревнива.
Ей въ приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имѣло:
Говорить оно умѣло.
Съ нимъ однимъ она была
Добродушна, весела;
Съ нимъ привѣтливо шутила,
И красуясь говорила:
«Свѣтъ мой, зеркальце! скажи,
«Да всю правду доложи:»
«Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,

«Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
«Ты, конечно, спору нѣтъ;
«Ты, царица, всѣхъ миѣе,
«Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.»
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертѣться подбочась,
Гордо въ зеркальце глядѣсь.

Но царица молодая,
Тихомолкомъ расцвѣтая,
Между тѣмъ росла, росла,
Поднялась — и расцвѣла.
Бѣлолица, черноброва,
Нраву кроткаго такога.
И женихъ сыскался ей,
Корольчикъ Елисей.
Свать прѣвѣхалъ; царь далъ слово,
А приданое готово:
Семь торговыхъ городовъ,
Да сто сорокъ теремовъ.
На дѣвичникъ собираясь
Вотъ царица, наряжаясь
Передъ зеркальцемъ своимъ,

Перемолвилася съ нимъ:

«Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣ,
«Всѣхъ румянѣй и бѣлѣ?»»

Что же зеркальце въ отвѣтъ?

«Ты прекрасна, спору нѣтъ;

«Но царевна всѣхъ милѣ,

«Всѣхъ румянѣй и бѣлѣ.»»

Какъ Царица отпрыгнетъ,

Да какъ ручку замахнетъ,

Да по зеркальцу какъ хлопнетъ,

Каблучкомъ-то какъ притоннетъ! . . .

«Ахъ ты, мерзкое стекло!

Это врешь ты мнѣ на зло.

Какъ тягаться ей со мною?

Я въ ней дурь-то успокою.

Вишь какая подросла!

И не диво, что бѣла;

Мать беременна сидѣла:

Да на снѣгъ лишь и глядѣла!

Но скажи: какъ можно ей

Быть во всемъ меня милѣй?

Признавайся; всѣхъ я краше.

Обойди все царство наше,

Хоть весь міръ; мнѣ равной нѣтъ.

Такъ-ли?» Зеркальце въ отвѣтъ:

«А царевна все жъ милѣ,

Все румянѣй и бѣлѣ.»»

Дѣлать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросивъ зеркальце подъ лавку,
Позвала къ себѣ Чернавку,
И наказываетъ ей,
Сѣнной дѣвушкѣ своей,
Везть царевну въ глушь лѣсную
И, связавъ ее, живую
Подъ сосной оставить тамъ
На сѣденіе волкамъ.
Чортъ ли сладить съ бабой гнѣвной?
Спорить нечего. Съ царевной
Вотъ Чернавка въ лѣсъ пошла,
И въ такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И досмерти испугалась,
И взмолилась. «Жизнь моя!
Въ чемъ, скажи, виновна я?
Не губи меня, дѣвица!
А какъ буду я царица,
Я пожалую тебя.»
Та, въ душѣ ея любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься, Богъ съ тобой.»
А сама пришла домой.
«Что?» сказала ей царица,

«Гдѣ красавица-дѣвица?»

— Тамъ въ лѣсу, стоитъ одна, —

Отвѣчаетъ ей она;

— Крѣпко связаны ей локти;

Попадется звѣрю въ когти,

Меньше будетъ ей терпѣть,

Легче будетъ умереть. —

И молва трезвонить стала:

Дочка царская пропала!

Тужить бѣдный царь по ней.

Королевичъ Елисей,

Помолясь усердно Богу,

Отправляется въ дорогу

За красавицей-душой,

За невѣстой молодой.

Но невѣста молодая,

До зари въ лѣсу блуждая,

Между тѣмъ все шла да шла,

И на теремъ набрела.

Ей навстрѣчу песь, залая,

Прибѣжалъ и смолкъ, играя;

Въ ворота вошла она.

На подворьѣ тишина.

Песь бѣжитъ за ней, ласкаясь,

А царевна, подбираясь,

Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
Въ свѣтлой горницѣ; кругомъ
Лавки, крытыя ковромъ,
Подъ святыми столъ дубовой,
Печь съ лежанкой изразцовой.
Видитъ дѣвица, что тутъ
Люди добрые живутъ;
Знать, не будетъ ей обидно.
Никого межъ тѣмъ невидно.
Домъ царевна обошла,
Все порядкомъ убрала,
Засвѣтила Богу свѣчку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

Чась обѣда приближался;
Топоть по двору раздался.
Входятъ семь богатырей,
Семь румяныхъ усачей.
Старшій молвилъ: «Что за диво!
Все такъ чисто и красиво.
Кто - то теремъ прибиралъ,
Да хозяевъ поджидалъ.

Кто-же? выдь и покажися,
Съ нами честно подружися:
Коль ты старый человекъ,
Дядей будешь намъ навѣкъ;
Коли парень ты румяный,
Братецъ будешь намъ названный;
Коль старушка, будь намъ мать,
Такъ и станемъ величать;
Коли красная дѣвица,
Будь намъ милая сестрица.»

И царевна къ нимъ сошла,
Честь хозяямъ отдала,
Впоясь низко поклонилась;
Закраснѣвшись, извинилась,
Что-де вгости къ нимъ зашла,
Хоть звана и не была.
Вмигъ по рѣчи тѣ спознали,
Что царевну принимали;
Усадили въ уголокъ,
Подносили пирожокъ,
Рюмку полную наливали,
На подносъ подавали.
Отъ зеленого вина
Отрекалася она;
Пирожокъ лишь разломила,
Да кусочикъ прикусила,

И съ дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они дѣвицу
Вверхъ во свѣтлую свѣтлицу,
И оставили одну
Отходящую ко сну.

День за днемъ идетъ мелькая,
А царевна молодая
Все въ лѣсу; не скучно ей
У семи богатырей.
Передъ утренней зарею
Братья дружною толпою
Выѣзжаютъ погулять,
Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить,
Сорочина въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечъ
У Татарина отсѣчь,
Или вѣтравить изъ лѣса
Пятигорскаго Черкеса.
А хозяйшкой она
Въ терему межъ тѣмъ одна,
Приберетъ и приготовить.
Имъ она не прекословить,
Не перечать ей они.
Такъ идутъ за днями дни.

Братя милую дѣвицу
Полюбили. Къ ней въ свѣтлицу
Разъ, лишь только разсвѣло,
Всѣхъ ихъ семеро вошло.
Старшій молвилъ ей: «Дѣвица,
Знаешь: всѣмъ ты намъ сестрица,
Всѣхъ насъ семеро, тебя
Всѣ мы любимъ, за себя
Взять тебя мы всѣ бы ради,
Да нельзя; такъ, Бога ради,
Помири насъ какъ нибудь:
Одному женою будь,
Прочимъ ласковой сестрою.
Что жъ качаешь головою?
Аль отказываешь намъ?
Аль товаръ не по купцамъ?»

— «Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные,
Имъ царевна говорить:
«Коли лгу, пусть Богъ велить
Не сойти живой мнѣ съ мѣста.
Какъ мнѣ быть? вѣдь я невѣста.
Для меня вы всѣ равны,
Всѣ удалы, всѣ умны,
Всѣхъ я васъ люблю сердечно;
Но другому я навѣчно

Отдана. Миѣ всѣхъ милѣй
Королевичъ Елисей.
Братья молча постояли,
Да въ затылкѣ почесали.
«Спрось не грѣхъ. Прости ты насъ,»
Старшій молвилъ поклонясь:
«Коли такъ, не заикнуса.
Ужъ о томъ.»—«Я не сержуся,»
Тихо молвила она;
«И отказъ мой не вина.»
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно всѣ опять
Стали жить да поживать.

Между тѣмъ царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее;
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконецъ объ немъ хватилась
И пошла за нимъ, и сѣвъ
Передъ нимъ, забыла гнѣвъ,
Красоваться снова стала,
И съ улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:

Я ль на свѣтъ всѣхъ милѣ,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣ?»
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
«Ты прекрасна, спору нѣтъ;
Но живетъ безъ всякой славы,
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что все жь тебя милѣй.»
И царица налетѣла
На Чернавку: «Какъ ты смѣла
Обмануть меня? и въ чемъ!...»
Та призналася во всемъ,
Такъ и такъ. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

Разъ царевна молодая,
Милыхъ братьевъ поджидая,
Пряла сидя подъ окномъ.
Вдругъ сердито подъ крыльцомъ
Песъ залаялъ, и дѣвица
Видить: нищая черница
Ходить по двору, клюкой
Отгоняя пса. «Постой,
Бабушка, постой немножко,»
Ей кричитъ она въ окошко,

«Пригрожу сама я псу
И кой-что тебѣ снесу.»
Отвѣчаетъ ей черница:
«Охъ ты, дитятко дѣвица!
Песь проклятый одолѣлъ,
Чуть досмерти не заѣлъ.
Посмотри, какъ онъ хлопочеть!
Выдѣ ко мнѣ.» — Царевна хочеть
Выйти къ ней и хлѣбъ взяла,
Но съ крылечка лишь сошла,
Песь ей подѣ ноги — и лаеть,
И къ старухѣ не пускаеть;
Лишь пойдетъ старуха къ ней,
Онъ, лѣснаго звѣря зѣй,
На старуху. Что за чудо?
«Видно выпался онъ худо,»
Ей царевна говоритъ;
«На жѣ, лови!» и хлѣбъ летить.
Старушонка хлѣбъ поймама;
«Благодарствую сказама,
Богъ тебя благослови;
Вотъ за то тебѣ, лови!»
И къ царевнѣ наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летить
Песь какъ прыгнетъ, завизжитъ
Но царевна въ обѣ руки,

Хвать — поймала. «Ради скуки
Кушай яблочко, мой свѣтъ.
Благодарствуй за обѣдъ,»
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала.
И съ царевной на крыльцо
Песъ бѣжить и ей въ лицо
Жалко смотреть, грозно воетъ,
Словно сердце песею ноетъ,
Словно хочетъ ей сказать:
Брось! Она его ласкать,
Треплетъ нѣжною рукою;
Что, Соколка, что съ тобою?
Лягъ! и въ комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Подъ окно за пряжу сѣла
Ждать хозяевъ, а глядѣла
Все на яблоко. Оно
Соку спѣлаго полно,
Такъ свѣжо и такъ душисто,
Такъ румяно, золотисто,
Будто медомъ налилось!
Видны сѣмечки насквозь.
Подождать она хотѣла
До обѣда, не стерпѣла,
Въ руки яблочко взяла,
Къ алымъ губкамъ поднесла,

Потихоньку прокусила,
И кусочикъ проглотила
Вдругъ она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Бѣлы руки опустила,
Плодъ румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она подъ образа
Головой на лавку пала,
И тиха, недвижна стала

Братья въ ту пору домой
Возвращались толпой
Съ молодецкаго разбоя.
Имъ навстрѣчу, громко воя,
Песъ бѣжить, и ко двору
Путь имъ кажетъ. Не къ добру!
Братья молвили; печали
Не минуемъ. Прискакали,
Входятъ, ахнули. Вбѣжавъ,
Песъ на яблоко стремглавъ
Съ лаемъ кинулся, озлился,
Проглотилъ его, свалился
И издохъ. Напоено
Было ядомъ знать оно.
Передъ мертвою царевной
Братья въ горести душевной

Всѣ поникли головой,
И съ молитвою святой
Съ лавки подняли, одѣли,
Хоронить ее хотѣли
И раздумали. Она,
Какъ подѣ крыльшикомъ у сна,
Такъ тиха, свѣжа лежала,
Что лишь только не дышала,
Ждали три дня, но она
Не возстала ото сна.
Сотворивъ обрядъ печальный,
Вотъ они во гробъ хрустальный
Трупъ царицы молодой
Положили, и толпой
Понесли въ пустую гору,
И въ полуночную пору
Гробъ ея къ шести столбамъ
На цѣпяхъ чугунныхъ тамъ
Осторожно привинтили
И рѣшеткой оградили;
И предъ мертвою сестрой
Сотворивъ поклонъ земной,
Старшій молвилъ: «Сни во гробъ;
Вдругъ погасла, жертвой злобъ,
На землѣ твоя краса,
Духъ твой примухъ небеса.
Нами ты была любима

И для милаго хранима —
Не досталась никому,
Только гробу одному.»

Въ тотъ же день царица злая,
Доброй вѣсти ожидая
Втайнѣ зеркальце взяла
И вопросъ свой задала:
«Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И услышала въ отвѣтъ:
«Ты, царица, спору нѣтъ,
Ты на свѣтъ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.»

За невѣстою своею
Королевичъ Елисей
Между тѣмъ по свѣту скачетъ.
Нѣтъ, какъ нѣтъ! Онъ горько плачетъ,
И кого ни спроситъ онъ,
Всѣмъ вопросъ его мудренъ;
Кто въ глаза ему свѣтаетъ,
Кто скорѣ отвернется;
Къ красну солнцу наконецъ
Обратился молодець.
«Свѣтъ нашъ солнышко! ты ходишь
Круглый годъ по небу, сводишь

Зиму съ теплою весной,
Всѣхъ насъ видишь подъ собой.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
Не видало ль гдѣ на свѣтъ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ей.» — «Свѣтъ ты мой,»
Красно солнце отвѣчало:
«Я царевны не видало.
«Знать ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.
«Развѣ мѣсяцъ, мой сосѣдъ,
«Гдѣ нибудь ее да встрѣтилъ,
«Или слѣдъ ея замѣтилъ.»

Темной ночи Елисей
Дождался въ тоскѣ своей.
Только мѣсяцъ показался,
Онъ за нимъ съ мольбой погнался.
«Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
Позолоченный рожокъ!
Ты встаешь во тмѣ глубокой,
Круглолицый, свѣтлоокой,
И обычай твой любя,
Звѣзды смотрять на тебя.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтъ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ей.» — «Братецъ мой,»

Отвѣчаетъ мѣсяцъ ясной:

«Не видалъ я дѣвы красной.

На сторожѣ я стою

Только въ очередь мою.

Безъ меня царица видно

Пробѣжала.» — «Какъ обидно!»

Королевичъ отвѣчалъ.

Ясный мѣсяцъ продолжалъ:

«Погоди; объ ней, быть можетъ,

Вѣтеръ знаетъ; онъ поможетъ.

Ты къ нему теперь ступай,

Не печалься же, прощай.»

Елисей не унывая

Къ вѣтру кинулся, зывая:

«Вѣтеръ, вѣтеръ! Ты могучъ,

Ты гоняешь стаи тучъ,

Ты волнуешь сине море,

Всюду вѣешь напросторѣ,

Не боишься никого,

Кромѣ Бога одного.

Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?

Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ

Ты царицы молодой?

Я женихъ ея.» — «Постой,»

Отвѣчаетъ вѣтеръ буйный:

«Тамъ за рѣчкой тихоструйной

Есть высокая гора;
Въ ней глубокая нора;
Въ той норѣ, во тмѣ печальной,
Гробъ качается хрустальной
На цѣпяхъ между столбовъ.
Не видать ни чьихъ слѣдовъ
Вкругъ того пустаго мѣста:
Въ томъ гробу твоя невѣста.»

Вѣтеръ даль побѣжалъ.
Королевичъ зарыдалъ,
И пошелъ къ пустому мѣсту,
На прекрасную невѣсту
Посмотрѣть еще хоть разъ.
Вотъ идетъ; и поднялась
Передъ нимъ гора крутая;
Вкругъ нея страна пустая;
Подъ горою темный входъ.
Онъ туда скорѣй идетъ.
Передъ нимъ, во мглѣ печальной,
Гробъ качается хрустальной,
И въ хрустальномъ гробѣ томъ
Спитъ царевна мертвымъ сномъ.
И о гробъ невѣсты милой
Онъ ударился всей силой.
Гробъ разбился. Дѣва вдругъ
Ожила. Глядитъ вкругъ

Изумленными глазами,
И качаясь надъ цѣпями,
Привздохнувъ, произнесла:
«Какъ же долго я спала!»
И встаетъ она изъ гроба
Ахъ! . . . и зарыдали оба.
Въ руки онъ ее беретъ
И на свѣтъ изъ тмы несетъ,
И бесѣдуя пріятно,
Въ путь пускается обратно,
И грубить уже молва:
Дочка царская жива!

Дома въ ту пору безъ дѣла
Злая мачиха сидѣла
Передъ зеркальцемъ своимъ
И бесѣдовала съ нимъ,
Говоря: «Я ль всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И услышала въ отвѣтъ:
«Ты прекрасна, слова нѣтъ,
Но царевна все жъ милѣе,
Все румянѣй и бѣлѣе.»
Злая мачиха, вскочивъ,
Объ полъ зеркальце разбивъ,
Въ двери прямо побѣжала
И царевну повстрѣчала.

Туть ея тоска взяла
И Царица умерла.
Лишь ея похоронили,
Свадьбу тотчасъ учинили,
И съ невѣстою своею
Обвѣнчался Елисей;
И никто съ начала міра
Не видалъ такого пира;
Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ,
Да усы лишь обмочилъ.



СКАЗКА

О ЗОЛОТОМЪ ПЬТУШКѢ.

СКАЗКА

О золотомъ пѣтушкѣ.



Нѣгдѣ въ тридевятомъ царствѣ,
Въ тридесятомъ государствѣ,
Жилъ-былъ славный царь Дадонь.
Смолоду былъ грозенъ онъ,
И сосѣдямъ то и дѣло
Наносилъ обиды смѣло;
Но подѣ старость захотѣлъ
Отдохнуть отъ ратныхъ дѣлъ
И покой себѣ устроить.
Тутъ сосѣди безпокоить
Стали стараго царя,
Страшный вредъ ему творя.
Чтобъ концы своихъ владѣній
Охранять отъ нападений
Долженъ былъ онъ содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали

Но никакъ не успѣвали:
Ждутъ бывало съ юга, глядь —
Анъ съ востока лѣзетъ рать;
Справятъ здѣсь — лихіе гости
Идутъ отъ моря: со злости
Инда плакаль царь Дадонъ,
Инда забываль и сонъ.
Что и жизнь въ такой тревогѣ!
Вотъ онъ съ просьбой о помогѣ
Обратился къ мудрецу
Звѣздочету и скопцу;
Шлетъ за нимъ гонца съ поклономъ.
Вотъ мудрецъ передъ Дадономъ
Сталь и вынулъ изъ мѣшка
Золотаго пѣтушка.
Посади ты эту птицу,
Молвилъ онъ царю, на спицу;
Пѣтушокъ мой золотой
Будетъ вѣрный сторожъ твой:
Коль кругомъ все будетъ мирно:
Такъ сидѣть онъ будетъ смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебѣ войны,
Иль набѣга силы бранной,
Иль другой бѣды незванной —
Вмигъ тогда мой пѣтушокъ
Приподыметъ гребешокъ,

Закричитъ и встрепенется,
 И въ то мѣсто обернется.
 Царь скопца благодарить,
 Горы золота сулить :
 За такое одолженье,
 Говоритъ онъ въ восхищеньѣ,
 Волю первую твою
 Я исполню, какъ мою.

Пѣтушокъ съ высокой спицы
 Сталь стеречь его границы;
 Чуть опасность гдѣ видна,
 Вѣрный сторожъ какъ сосна
 Шевельнется, встрепенется,
 Къ той сторонѣ обернется
 И кричитъ кири ку ку.

.....

И сосѣди присмирѣли,
 Воевать уже не смѣли.
 Таковой ~~имѣ~~ царь Дадонъ
 Далъ отпора, со всѣхъ сторонъ.

Годъ-другой проходить мирно,
 Пѣтушокъ сидитъ все смирно.
 Вотъ однажды царь Дадонъ
 Страшнымъ шумомъ пробужденъ :
 Царь ты нашъ! Отецъ народа!

Возглашаетъ воевода,
 Государь! проснись! бѣда!
 Что такое, господа?
 Говоритъ Дадонъ, зѣвая,
 А? кто тамъ? -бѣда какая?
 Воевода говоритъ:
 Пѣтушокъ опять кричитъ;
 Страхъ и шумъ во всей столицѣ.
 Царь къ окошку — ахъ на спицѣ,
 Видитъ, бьется пѣтушокъ,
 Обратившись на востокъ.
 Медлитъ нечего: скорѣе!
 Люди, наконецъ! Эй, живѣе!
 Царь къ востоку войско шлетъ,
 Старшій сынъ его ведетъ.
 Пѣтушокъ угомонился,
 Шумъ утихъ и царь забылся.

Вотъ проходитъ восемь дней,
 А отъ войска нѣтъ вѣстей:
 Было-ль, не было-ль сраженья?
 Нѣтъ Дадону донесенья.
 Пѣтушокъ кричитъ опять —
 Кличетъ царь другую рать;
 Сына онъ теперь меньшаго
 Шлетъ навырчку большаго;
 Пѣтушокъ опять утихъ.

Снова вѣсти нѣтъ отъ нихъ.
Снова восемь дней проходятъ;
Люди въ страхѣ дни проводятъ.
Пѣтушокъ кричитъ опять;
Царь скликаетъ третью рать
И ведетъ ее къ востоку
Самъ, не зная быть ли проку.

Войска идутъ день и ночь;
Имъ становится не вмочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробнаго кургана
Не встрѣчаетъ царь Дадонъ.
Что за чудо? мыслить онъ.
Вотъ осьмой ужъ день проходить,
Войско въ горы царь приводитъ,
И промежь высокихъ горъ
Видитъ шелковой шатеръ.
Все въ безмолвіи чудесномъ
Вкругъ шатра; въ ущельи тѣсномъ
Рать побитая лежитъ.
Царь Дадонъ къ шатру спѣшитъ . . .
Что за страшная картина!
Передъ нимъ его два сына
Безъ щеломовъ и безъ латъ
Оба мертвые лежатъ,
Мечъ вонзивши другъ во друга.

Бродятъ кони ихъ средь луга
По притоптанной травѣ,
По кровавой муравѣ
Царь завылъ: охъ дѣти, дѣти!
Горе мнѣ! попался въ сѣти
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла.
Всѣ завыли за Дадonomъ;
Застонала тяжкимъ стономъ
Глубь долинь, и сердце горь
Потряслось. Вдругъ шатерь
Распахнулся . . . и дѣвица,
Шамаханская царица,
Вся сіяя какъ заря,
Тихо встрѣтила царя.
Какъ предъ солнцемъ птица ночи,
Царь умолкъ, ей глядя въ очи,
И забылъ онъ передъ ней
Смерть обоихъ сыновей.
И она передъ Дадonomъ
Улыбнулась — и съ поклономъ
Его за руку взяла
И въ шатерь свой увела.
Тамъ за столъ его сажала,
Всякимъ яствомъ угощала,
Уложила отдыхать
На нарчевую кровать,

И потомъ недѣлю ровнѣ,
Покорясь ей безусловно,
Околдованъ, восхищенъ,
Пировалъ у ней Дадонъ.

Наконецъ и въ путь обратной
Со своею силою ратной
И съ дѣвицей молодой
Царь отправился дошой.
Передъ нимъ молва бѣжала,
Быль и небыль разглашала.
Подъ столицей, близъ воротъ,
Съ шумомъ встрѣтилъ ихъ народъ;
Всѣ бѣгутъ за колесницей
За Дадономъ и царицей —
Всѣхъ привѣтствуетъ Дадонъ. . . .
Вдругъ въ толпѣ увидѣлъ онъ,
Въ Сорочинской шапкѣ бѣлой,
Весь какъ лебедь посѣдѣлый,
Старый другъ его свонецъ.
А! здорово, мой отецъ,
Молвилъ царь ему, что скажешь?
Подъ поближе, что прикажешь?
Царь, отвѣтствуетъ мудрецъ,
Разочтемся наконецъ.
Помнишь? за мою услугу
Обѣщался мнѣ, какъ другу,

Волю первую мою
Ты исполнить какъ свою.
Подари жъ ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую царицу
Крайне царь былъ изумленъ.
Что ты? Старцу молвилъ онъ,
Или бѣсъ въ тебя ввернулся,
Или ты съ ума ряхнулся?
Что ты въ голову забрала?
Я конечно общалъ;
Но всему же есть граница.
И зачѣмъ тебѣ дѣвица?
Полно знаешь ли, кто я?
Попроси ты отъ меня
Хоть казну, хоть чинъ боярской,
Хоть коня съ копошни царской,
Хоть полцарства моего. —
— Не хочу я ничего. . .
Подари ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую царицу —
Говорить мудрецъ въ отвѣтъ.
Плюнулъ царь: такъ лихъ же, нѣтъ!
Ничего ты не получишь.
Самъ себя ты грѣшникъ мучишь.
Убирайся, цѣль пока;
Оттащите старика! —
Старичокъ хотѣлъ заспорить,

Но съ инымъ накладно вздорить;
Царь хватилъ его жезломъ
По лбу; тотъ упалъ ничкомъ,
Да и духъ вонъ. — Вся столица
Содрогнулась — а дѣвица
Хи хи хи да ха ха ха!
Не боится знать грѣха.
Царь хоть былъ встревоженъ сильно,
Усмѣхнулся ей умильно —
Вотъ — вѣзжаетъ въ городъ онъ. . . .
Вдругъ раздался легкой звонъ,
И въ глазахъ у всей столицы
Пѣтушокъ спорхнулъ со спицы,
Къ колесницѣ полетѣлъ
И царю на темя сѣлъ,
Встрепенулся, клонулъ въ темя
И взвился . . . и въ то же время .
Съ колесницы палъ Дадонъ —
Охнулъ разъ — и умеръ онъ —
А царица вдругъ пропала,
Будто вовсе не бывала —



СКАЗКА

О РЫБАКѢ И РЫБКѢ.

СКАЗКА

о рыбахъ и рыбкѣ.



Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неведомъ рыбу,
Старуха прядла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ одною тиной;
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ травой морской;
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ золотой рыбкою,
Съ непростою рыбкой, золотою.
Какъ взмолился золотая рыбка,
Голосомъ молвить человѣчьимъ:
«Отпусти ты, старче, меня въ море,
«Дорогой за себя дамъ откупъ:

«Откуплюсь чѣмъ только пожелаешь.»
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхиваль, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ.
Воротился старикъ ко старухѣ,
Расказалъ ей великое чудо.
Я сегодня поймалъ было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогою цѣною откупалась;
Откупалась чѣмъ только пожелаю.
Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ;
Такъ пустилъ ее въ синее море.
Старика старуха забранила.
Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взялъ ты съ нея корыто:
Наше-то совсѣмъ расколосось.
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю.
Видеть: море слегка разыгралось.

Сталь онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсѣмъ раскололось.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Будетъ вамъ новое корыто.
Воротился старикъ ко старухѣ;
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
Дурачина ты, простофля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много ли корысти?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ;
Поклонись ей, выпроси ужъ избу.
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю
(Помутилося синее море);
Сталь онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!

Еще пуще старуха бранится,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Избу проситъ сварливая баба.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ.
Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужъ и слѣда;
Передъ нимъ изба со свѣтелкой,
Съ кирпичною, бѣлею трубою,
Съ дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ.
Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросилъ, простофиля, избу!
Воротись, поклонись рыбкѣ:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой.

Пошелъ старикъ къ синему морю
(Не спокойно синее море).
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старчѣ?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежняго старуха вздурилась,

Не даетъ старику мнѣ покою:
Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой,
Хочетъ быть столбовою дворянкой.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!

Воротился старикъ ко старухѣ;
Что жъ онъ видитъ? Высокій теремъ
На крыльцѣ стоитъ его старуха
Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ,
Парчевая на маковкѣ кичка,
Жемчуги окружили шею,
На рукахъ золотые перстни,
На ногахъ красные сапожки.
Передъ нею усердные слуги;
Она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ.
Говорить старикъ своей старухѣ:
Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай теперъ твоя душенька довольна.
На него прикрикнула старуха,
На конюшнѣ служить его послала.
Вотъ педля-другая проходитъ;
Еще пуще старуха вздурилась;
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ.
Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей.

Испугался старикъ, взмолился:
Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь.
Пасмѣшишь ты цѣлое царство.
Осердилася пуще старуха,
По щекѣ ударила мужа.
Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай къ морю, говорить тебѣ честию,
Не пойдешь, поведутъ пошеволю.

Старичекъ отправился къ морю .
(Почерпѣло сѣнее море).
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче? ,
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ:
Ужъ не хочетъ быть она дворянкой,
Хочетъ быть вольною царицей.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха царицей!

Старичекъ къ старухѣ воротился.
Что жъ? Предъ нимъ царскія палаты

Въ палатахъ видить свою старуху,
За столомъ сидить она царицей,
Служать ей бояре, да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вины,
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держать.
Какъ увидѣлъ старикъ, испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ: здравствуй, грозная царица!
Ну теперь твоя душенька довольна.
На него старуха не взглянула.
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика въ зашеи затолкали.
А въ дверяхъ то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила;
А народъ то надъ нимъ насмѣялся:
По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа!
Впредь тебѣ, невѣжа, наука:
Не садися не въ свои сани! ^{سنة}

Вотъ недѣля, другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ.
Отыскали старика, привели къ ней.
Говорить старику старуха:

Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобъ жить мнѣ въ оціанѣ-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была бъ у меня напосыдкахъ.
Старикъ не осмѣдился перечить,
Не дерзнулъ поперегъ слова молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю;
Видитъ, на морѣ черная буря —
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ клмкать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочеть быть она царицей,
Хочеть быть владычицей морской,
Чтобъ жить ей въ оціанѣ-морѣ,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у нее напосыдкахъ.
Ничего не сказала рыбка, . . .
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,

Не дождался, къ старухѣ воротился — —
Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А предъ нею разбитое корыто.



ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

—

Большая часть этихъ пѣсень взята мною изъ книги, вышедшей въ Парижѣ въ концѣ 1827 года, подъ названіемъ: La Guzla, ou choix de Poësies Slyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzegowine. Неизвѣстный издатель говорилъ въ своемъ предисловіи, что, собирая нѣкогда безыскусственныя пѣсни полудикаго племени, онъ не думалъ ихъ обнародовать, но что потомъ, замѣтивъ распространяющійся вкусъ къ произведеніямъ иностраннымъ, особенно къ тѣмъ, которыя въ своихъ формахъ удаляются отъ классическихъ образцовъ, вспомнилъ онъ о собраніи своемъ, и по совѣту друзей, перевелъ нѣкоторыя изъ сихъ поэмъ, и проч. Сей неизвѣстный собиратель былъ не кто иной, какъ Мериме, острый и оригинальный писатель, авторъ Театра Клары Газюль, Хроники временъ Карла IX, Двойной Ошибки, и другихъ произведений, чрез-

вычайно замѣчательныхъ въ глубокомъ и жалкомъ упадкѣ нынѣшней Французской литературы. Поэтъ Мицкевичъ, критикъ зоркій и тонкій, и знатокъ въ Славянской поэзіи, не усомнился въ подлинности сихъ пѣсень, а какой-то ученый Нѣмецъ написалъ о нихъ пространную диссертацию.

Мнѣ очень хотѣлось знать, на чемъ основано изобрѣтеніе странныхъ сихъ пѣсень. С. А. С. по моей просьбѣ, писалъ о томъ къ Мериме, съ которымъ былъ онъ коротко знакомъ, и въ отвѣтъ получилъ слѣдующее письмо :

Paris. 18 Janvier, 1835.

Je croyais, Monsieur, que la Guzla n'avait eu que sept lecteurs, vous, moi et le prote compris; je vois avec bien du plaisir que j'en puis compter deux de plus ce qui forme un joli total de neuf et confirme le proverbe que nul n'est prophète en son pays. Je répondrai candidement à vos questions. La Guzla a été composée par moi pour deux motifs, dont le premier était de me moquer de la couleur locale dans laquelle nous nous jetions à plein collier vers l'an de grace 1827. Pour vous rendre compte de l'autre motif je suis obligé de vous conter une histoire. En cette même année 1827, un de mes amis et moi nous avons formé le projet de faire un voyage en Italie. Nous étions devant une carte traçant au crayon notre

itinéraire. Arrivés à Venise, sur la carte s'entend, et ennuyés des Anglais et des Allemands que nous rencontrions, je proposai d'aller à Trieste, puis delà à Raguse. La proposition fut adoptée, mais nous étions fort légers d'argent et cette «douleur nompareille» comme dit Rabelais, nous arrêtais au milieu de nos plans. Je proposai alors d'écrire d'avance notre voyage, de le vendre à un libraire et d'employer le prix à voir si nous nous étions beaucoup trompés. Je demandai pour ma part à colliger les poésies populaires et à les traduire; on me mit au défi, et le lendemain j'apportai à mon compagnon de voyage cinq ou six de ces traductions. Je passai l'automne à la campagne. On dejeunait à midi et je me levais à dix heures; quand j'avais fumé un ou deux cigares ne sachant que faire, avant que les femmes ne paraissent au salon, j'écrivais une ballade. Il en résulta un petit volume que je publiai en grand secret et qui mystifia deux ou trois personnes. Voici les sources où j'ai puisé cette couleur locale tant vantée; d'abord une petite brochure d'un consul de France à Bonialouka. J'en ai oublié le titre, l'analyse en serait facile. L'auteur cherche à prouver que les Bosniaques sont de fiers cochons, et il en donne d'assez bonnes raisons. Il cite par-ci par-là quelques mots Illyriques pour faire parade de son savoir (il en savait peut-être autant que moi). J'ai recueilli ces mots avec soin et les ai mis dans mes

notes. Puis j'avais lu le chapitre intitulé : De costumî dei Morlachî, dans le voyage en Dalmatie de Fortis. Il a donné le texte et la traduction de la complainte de la femme de Hassan-Aga, qui est réellement Illyrique; mais cette traduction était en vers. Je me donnai une peine infinie pour avoir une traduction littérale en comparant les mots du texte qui étaient répétés avec l'interprétation de l'abbé Fortis. A force de patience, j'obtins le mot à mot, mais j'étais embarrassé encore sur quelques points. Je m'adressai à un de mes amis qui sait le russe. Je lui lisais le texte en le prononçant à l'italienne, et il le comprit presque entièrement. Le bon fut, que Nodier qui avait détéré Fortis et la ballade de Hassan-Aga, et l'avait traduite sur la traduction poétique de l'abbé, en la poétisant encore dans sa prose, Nodier cria comme un aigle que je l'avais pillé. Le premier vers illyrique est :

Selò sé bieli u gorje zelenoi

Fortis a traduit :

Che mai biancheggia nel verde *Bosco*.

Nodier a traduit bosco, par *plaine verdoyante*; c'était mal tomber, car on me dit que *gorje* veut dire *col-line*. Voilà mon histoire. Faites mes excuses à M. Pouchkiné. Je suis fier et honteux à la fois de l'avoir attrapé, и проч.

ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.



ВИДѢНІЕ КОРОЛЯ ¹.



Король ходитъ большими шагами
Взадъ и впередъ по палатамъ;
Люди снятъ — королю лишь не спится!
Короля султанъ осаждаетъ,
Голову отсѣчь ему грозитъ
И въ Стамбуль отослать ее хочетъ.

Часто онъ подходитъ къ окошку:
Не услышитъ ли какаго шума?
Слышитъ, воеетъ ночная птица:
Она чуетъ бѣду неминучу;
Скоро ей искать новой кровли
Для своихъ птенцевъ горемычныхъ.

Не сова воеетъ въ Ключъ-градъ,
Не луна Ключъ-городъ озаряетъ,

Въ церкви Божіей гремятъ барабаны,
Вся свѣчами озарена церковь.

Но никто барабановъ не слышитъ,
Никто свѣта въ церкви Божіей не видитъ,
Лишь король то слышалъ и видѣлъ;
Изъ палатъ своихъ онъ выходитъ
И идетъ одинъ въ Божию церковь.

Сталь на паперти, дверь открываетъ . . .
Ужасомъ въ немъ замерло сердце;
Но великую творитъ онъ молитву
И спокойно въ церковь Божию входитъ.

Тутъ онъ видитъ чудное видѣнье:
На помостѣ валяются трупы,
Между ними хлещетъ кровь ручьями
Какъ потоки осени дождливой.
Онъ идетъ, шагая черезъ трупы;
Кровь по щиколку ² ему достигаетъ . . .

Горе, въ церкви Турки и Татары
И предатели враги *Богумилы*. ³
На амвонѣ самъ султанъ безбожный;
Держитъ онъ наголо саблю;
Кровь по саблѣ свѣжая струится
Изъ вострія до самой рукояти.

Короля незапный обнялъ холодъ:
Тутъ же видитъ онъ отца и брата.
Предъ султаномъ старикъ бѣдный справа,
Униженно стоя на колѣнахъ,
Подаетъ ему свою корону;
Слѣва, также стоя на колѣнахъ,

Его сынъ, Радивой окаяпный,
Бусурманскою чалмою покрытый,
(Съ тою самою веревкою, которой
Удавилъ онъ несчастнаго старца),
Край полы у султана цалуеть,
Какъ холопъ наказанный *фалангой*.⁴

И султанъ безбожный, усмѣхаясь,
Взялъ корону, растопталъ ногами,
И промолвилъ потомъ Радивою:
«Будь надъ Босніей моею ты властелиномъ,
Для гяуръ-христіанъ беглербеемъ.⁵
И отступивъкъ: бѣлъ челою султану,
Трижды полъ окровавленный цалуя.

И султанъ прислужниковъ кликнулъ,
И сказалъ: «Дать кафтанъ Радивою!»⁶
Не бархатной кафтанъ, не парчевой,
А содрать на кафтанъ Радивой
Кожу съ брата его роднаго.»

Бусурмане на короля наскочили,
Донага всего его раздѣли,
Ятаганомъ ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажали и мясо и жилы,
И до самыхъ костей ободрали,
И одѣли кожею Радивоя.

Громко мученикъ Господу взмолился:
«Правъ ты, Боже, меня наказуя!
«Плоть мою предай на растерзанье,
«Лишь помилуй мнѣ душу, Иисусе!»

При семь имени церковь задрожала,
Все внезапно утихнуло, померкло,
Все исчезло — будто не бывало.

И король, оцупью впотемкахъ
Кое-какъ до двери добрался,
И съ молитвою на улицу вышелъ.

Было тихо. Съ високаго неба
Городъ бѣлый луна озаряла.
Вдругъ взвилась изъ-за города бомба, ⁷
И поцли бусурмане на пристугь.



ЯНКО МАРНАВИЧЪ.

—

Что въ развѣздахъ бей Янко Марнавичъ?

Что ему дома не сидится?

Отъ чего двухъ ночей онъ сряду

Подъ одною кровлей не ложится?

Али недруженъ его жонучи?

Аль боится онъ кровомщенья!

Не боится бей Янко Марнавичъ

Ни враговъ своихъ, ни кровомщенья.

Но онъ бродитъ, какъ гайдукъ, бездомный,

Съ той поры, какъ Кирила умеръ.

Въ церкви Спаса они братовались,⁸

И были по Богу братья;

Но Кирила несчастливый умеръ

Отъ руки имъ избраннаго брата.

Бусурмане на короля наскочили,
Донага всего его раздѣли,
Ятаганомъ ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажали и мясо и жилы,
И до самыхъ костей ободрали,
И одѣли кожею Радивоя.

Громко мученикъ Господу взмолился:
«Правъ ты, Боже, меня наказуя!
«Плоть мою предай на растерзанье,
«Лишь помилуй мнѣ душу, Исусе!»

При семь имени церковь задрожала,
Все внезапно утихнуло, померкло,
Все исчезло — будто не бывало.

И король ощупью впотемкахъ
Кое-какъ до двери добрался,
И съ молитвою на улицу вышелъ.

Было тихо. Съ высокаго неба
Городъ бѣлый луна озаряла.
Вдругъ взвилась изъ-за города бомба, ⁷
И пошли бусурмане на приступъ.



ЯНКО МАРНАВИЧЪ.

—

Что въ разъѣздахъ бей Янко Марнавичъ?

Что ему дома не сидится?

Отъ чего двухъ ночей онъ сряду

Подъ одною кровлей не ночуетъ?

Али недруги его могучи?

Аль боится онъ кровомщенья?

Не боится бей Янко Марнавичъ

Ни враговъ своихъ, ни кровомщеня.

Но онъ бродить, какъ гайдукъ бездомный,

Съ той поры, какъ Кирила умеръ.

Въ церкви Спаса они братовались, ⁸

И были по Богу братья;

Но Кирила несчастливый умеръ

Отъ руки имъ избраннаго брата.

БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ 9.

—

Радивой поднялъ желтое знамя:
Онъ идетъ войной на бусурмана;
А Далматы, завидя наше войско,
Свои длинные усы закрутили,
Набекрень надѣли свои шапки,
И сказали: «Возьмите насъ съ собою: ¹⁰
Мы хотимъ воевать бусурмановъ.»
Радивой дружелюбно ихъ принялъ
И сказалъ имъ: «Милости просимъ!»
Перешли мы заповѣдную рѣчку,
Стали жечь Турецкія деревни,
А Жидовъ на деревьяхъ вѣшать. ¹¹
Беглербей со своими Босняками
Противъ насъ пришелъ изъ Банялуки; ¹²
Но лишь только заржали ихъ кони,
И на солнцѣ ихъ кривыя сабли

Засверкали у Зеницы-Великой,
Разбѣжались измѣнники Далматы;
Окружили мы тогда Радивоя
И сказали: «Господь Богъ поможетъ,
Мы домой воротимся съ тобою
И расскажем эту битву нашимъ дѣтямъ.»
Стали биться мы тогда жестоко:
Всякъ изъ насъ троихъ воиновъ стоилъ;
Кровью были покрыты наши сабли
Съ острія до самой рукояти.
Но когда черезъ рѣчку стали
Тѣсною кучкою мы переправляться,
Селихтаръ ¹³ съ крыла на насъ ударилъ
Съ новымъ войскомъ, съ конницею свѣжей.
Радивой сказалъ тогда намъ: «Дѣти,
«Слишкомъ много собакъ-бусурмановъ,
«Намъ управиться съ ними невозможно.
«Кто не раненъ, въ лѣсъ бѣги скорѣе,
«И спасайся тамъ отъ Селихтара.»
Всѣхъ-то насъ оставалось двадцать.
Всѣ друзья, родные Радивою:
Но и тутъ насъ пало девятнадцать.
Закричалъ Георгій Радивою:
«Ты садись, Радивой, поскорѣе
На коня моего воронаго;
Черезъ рѣчку вплавь переправляйся,
Конь тебя изъ погибели вымчитъ.»

Радивой Георгія не послушалъ,
Наземь сѣлъ, поджавъ подъ себя ноги.
Туть враги на него наскочили,
Отрубили голову Радивою.



ТЕОДОРЪ И ЕЛЕНА.

—

.....

Стамати былъ старъ и безсиленъ,
А Елена молода и проворна;
Она такъ-то его оттолкнула,
Что ушелъ онъ охая да хромя.
Подѣломъ тебѣ, старый безстыдникъ!
Ай да баба! отдѣлалась славно!

Вотъ Стамати сталъ думать думу:
Какъ ему погубить бы Елену?
Онъ къ жиду лиходѣю приходитъ,
Отъ него онъ требуетъ совѣта.
Жидъ сказалъ: «Ступай на кладбище,
Отыщи подъ камнями жабу,
И въ горшкѣ сюда принеси мнѣ.»

На кладбище приходитъ Стамати,
Отыскаль подъ каменьями жабу, ¹⁴
И въ горшкѣ жиду ее приносить.
Жидъ на жабу проливаетъ воду,
Нарекаетъ жабу Иваномъ
(Грѣхъ великъ Христіанское имя
Нареши такой поганой твари!).
Они жабу всю потомъ искололи,
И ее — ея жъ кровью напоили;
Напоивши, заставили жабу
Облизать поспѣлую сливу.

И Стамати мальчику молвилъ:
«Отнеси ты Еленѣ эту сливу,
Отъ моей племянницы въ подарокъ.»
Принесъ мальчикъ Еленѣ сливу,
А Елена тотчасъ ее съѣла.

Только съѣла поганую сливу,
Показалось бѣдной молодежи,
Что змѣя у ней въ животъ шевелится.
Испугалась молодая Елена;
Она кликнула сестру свою меньшую.
Та ее молокомъ напоила,
Но змѣя въ животъ все шевелилась.

Стала пухнуть прекрасная Елена,
Стали баять: Елена брюхата.
Каково-то будетъ ей отъ мужа,
Какъ воротится онъ изъ-за моря!
И Елена стыдится и плачетъ,
И на улицу выйти не смѣетъ,
День сидитъ, ночью ей не спится.
Поминутно сестрицѣ повторяетъ:
«Что скажу я милому мужу?»

Круглый годъ проходитъ, и Феодоръ
Воротился на свою сторонку.
Вся деревня бѣжитъ къ нему навстрѣчу,
Всѣ его привѣтно поздравляютъ;
Но въ толпѣ не видитъ онъ Елены,
Какъ ни ищетъ онъ ее глазами.
«Гдѣ жъ Елена?» наконецъ онъ молвилъ.
Кто смутился, а кто усмѣхнулся,
Но никто не отвѣчалъ ни слова.

Пришелъ онъ въ домъ свой — и видитъ :
На постелѣ сидитъ его Елена.
«Встань, Елена!» говоритъ Феодоръ.
Она встала, — онъ взглянулъ оурово.
Господинъ ты мой, клянусь Богомъ ..

И пречистымъ именемъ Маріи,
Предъ тобою я невиновата:
Испортили меня злые люди.»

Но Феодоръ женѣ не повѣрилъ:
Онъ отсѣкъ ей голову поплечи.
Отсѣкши, онъ самъ себѣ молвилъ:
«Не сгублю я невиннаго младенца,
Изъ нее выну его живаго,
При себѣ воспитывать буду.
Я увижу, на кого онъ походить,
Такъ навѣрно отца его узнаю
И убью своего злодѣя.»

Распоролъ онъ мертвое тѣло.
Что жъ! — намѣсто милаго дитяти,
Онъ черную жабу находитъ.
Взвыль Феодоръ: «Горе мнѣ убійцѣ!
Я сгубилъ Елену понапрасну:
Предо мною она была невинна,
А испортили ее злые люди.»

Поднялъ онъ голову Елены,
Сталъ ее цаловать умиленно,
И мертвыя уста отворились,
Голова Елены провѣщала:

«Я невинна. Жидъ и старый Стамати
Черной жабой меня окормили.»
Туть опять уста ея сомкнулись
И языкъ пересталъ шевелиться.

И Феодоръ Стамати зарѣзалъ,
А жида убилъ какъ собаку,
И отпѣлъ по женѣ панихиду.



ВЛАХЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ.

—

Какъ покинула меня Парасковья,
И какъ я съ печали промотался,
Вотъ Далмать пришелъ ко мнѣ лукавый:
«Ступай, Дмитрій, въ морской ты городъ,
Тамъ цехины что у насъ каменья.

«Тамъ солдаты въ шелковыхъ кафтанахъ,
И только что пьютъ да гуляютъ:
Скоро тамъ ты разбогатѣешь,
И воротись въ шитомъ долиманѣ
Съ кинжаломъ на серебряной цѣпочкѣ.

«И тогда-то играй себѣ на гусяхъ;
Красавицы побѣгутъ къ окошкамъ,
И подарками тебя закидаютъ.
Эй, послушайся! отправляйся моремъ;
Воротись, когда разбогатѣешь.»

Я послушался лукаваго Далмата.
Вотъ живу въ этой мраморной лодкѣ,
Но мнѣ скучно, хлѣбъ ихъ мнѣ какъ камень,
Я неволень какъ на привязи собака.

Надо мною женщины смѣются,
Когда слово я понашему молвлю;
Наши здѣсь языкъ свой позабыли,
Позабыли и нашъ родной обычай :
Я завялъ какъ пересаженный кустикъ.

Какъ у насъ бывало кого встрѣчу,
Слышу «здравствуй, Димитрій Алексѣичъ!»
Здѣсь не слышу добраго привѣта,
Не дождуся ласковаго слова;
Здѣсь я точно бѣдная мурашка,
Занесенная въ озеро бурей.



ГАЙДУКЪ ХРИЗИЧЬ.

—

Въ пещерѣ, на острыхъ каменьяхъ
Притаился храбрый Гайдукъ Хризичь. ¹⁶
Съ нимъ жена его Катерина;
Съ нимъ его два милые сына;
Имъ нельзя изъ пещеры выйти:
Стерегутъ ихъ недруги злые.
Коли чуть они голову подымутъ,
Въ нихъ прицѣлятся тотчасъ сорокъ ружей.
Они три дня, три ночи не ѣли,
Пили только воду дождевую,
Накопленную во впадинѣ камня.
На четвертый взошло красно солнце,
И вода во впадинѣ изсякла.
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
«Господь Богъ! помилуй наши души!»
И упала мертвая на землю.
Хризичь глядя на нее, не заплакалъ,
Сыновья плакать при немъ не смѣли;

Они только очи отирали,
Какъ отъ нихъ отворачивался Хризичъ.
Въ пятый день старшій сынъ обезумѣлъ,
Сталъ глядѣть онъ на мертвую мать,
Будто волкъ на спящую козу.
Его братъ, видя то, испугался;
Закричалъ онъ старшему брату:
«Милый братъ! не губи свою душу;
Ты напейся горячей моею кровью,
А умремъ мы голодною смертию;
Станемъ мы выходить изъ могилы
Кровь сосать нашихъ недруговъ спящихъ.» ¹⁷
Хризичъ всталъ и промолвилъ: «Полно!
«Лучше пуля, чѣмъ голодъ и жажда.»
И всѣ трое со скалы въ долину
Сбѣжали какъ бѣшеные волки.
Семерыхъ убили изъ нихъ каждый,
Семью пулями каждый изъ нихъ прострѣленье;
Головы враги у нихъ отсѣкли
И на копьѣ свои насадили —
А и тутъ глядѣть на нихъ не смѣли:
Такимъ страшень былъ Хризичъ съ сыновьями.

ПОХОРОННАЯ ПѢСНЯ

Гаркина Магдановича. 18

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

Пуля легче лихорадки;
Волею умеръ ты, какъ жилъ.
Врагъ твой мчался безъ оглядки;
Но твой сынъ его убилъ.

Вспоминай насъ за могилой,
Коль сойдется какъ нибудь;
Отъ меня отцу, братъ милой,
Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
У меня ужъ зажила;

Я здоровъ — и сына Яна
Мнѣ хозяйка родила.

Дѣду въ честь онъ названъ Яномъ.
Умный мальчикъ у меня;
Ужъ владѣеть ятаганомъ
И стрѣляетъ изъ ружья.

Дочь моя живетъ въ Лизгорѣ;
Съ мужемъ ей нескучно тамъ.
Тваркъ ушелъ давно ужъ въ море;
Живъ иль нѣтъ — узнаешь самъ.

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу.
Свѣтитъ мѣсяць; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

МАРКО ЯКУБОВИЧЬ.

—

У воротъ сидѣлъ Марко Якубовичъ;
Передъ нимъ сидѣла его Зоя,
А мальчишка ихъ игралъ у порогу.
По дорогѣ къ нимъ идетъ незнакомецъ,
Блѣденъ онъ и чуть ноги волочитъ,
Просить онъ напиться ради Бога.
Зоя встала и пошла за водою,
И прохожему вынесла ковшикъ,
И прохожій до дна его выпилъ.
Вотъ, напившись, говоритъ онъ Марку:
«Это что подъ горою тамъ видно?»
Отвѣчаетъ Марко Якубовичъ:
То кладбище наше родовое.»
Говоритъ незнакомый прохожій:
«Отдыхать мнѣ на вашемъ кладбищѣ,
Потому что мнѣ жить ужъ недолго.»
Тутъ широкій развилъ онъ поясъ,
Кажетъ Марку кровавую рану.
«Три дня, молвилъ, ношу я подъ сердцемъ

Басурмана свинцовую пулю.
Какъ умру, ты зарой мое тѣло
За горой, подъ зеленою ивой.
И со мной положи мою саблю,
Потому что я славный былъ воинъ.»

Поддержала Зоя незнакомца,
А Марко сталъ осматривать рану.
Вдругъ сказала молодая Зоя:
Помоги мнѣ, Марко, я не въ силахъ
Поддержать гостя нашего долѣ.»
Тутъ увидѣлъ Марко Якубовичъ,
Что прохожій на рукахъ ея умеръ.

Марко сѣлъ на коня воронаго,
Взялъ съ собою мертвое тѣло,
И поѣхалъ съ нимъ на кладбище.
Тамъ глубокую вырыли могилу,
И съ молитвою мертвеца схоронили.
Вотъ проходитъ недѣля-другая,
Сталъ худѣть сыночекъ у Марка;
Пересталъ онъ бѣгать и рѣзвиться,
Все лежалъ на рогожѣ да охалъ.
Къ Якубовичу Калуерь приходитъ —
Посмотрѣлъ на ребенка и молвилъ:
«Сынъ твой боленъ опасною болѣзнью;
Посмотри на бѣлую его шею: .

Видишь ты кровавую ранку? ¹⁹
Это зубъ Бурдалака, повѣрь мнѣ.»

Вся деревня за старцемъ Калуеромъ
Отправилась тотчасъ на кладбище;
Тамъ могилу прохожаго разрыли,
Видятъ — трупъ румяный и свѣжій,
Ногти выросли какъ вороньи когти,
А лицо обросло бородою,
Алой кровью вымазаны губы,
Полна крови глубокая могила.
Бѣдный Марко коломъ замахнулся,
Но мертвецъ завизжалъ, и проворно
Изъ могилы въ лѣсъ бѣгомъ пустился.
Онъ бѣжалъ быстрѣе, чѣмъ лошадь,
Стременами острыми извима;
И кусточки подъ нимъ такъ и гнулись,
А суки деревъ такъ и трещали,
Ломаясь какъ замерзлые прутья.

Калуеръ могильною землею ²⁰
Ребенка больного всего вытеръ,
И весь день творилъ надъ нимъ молитвы.
На закатѣ краснаго солнца
Зоя мужу своему сказала:
«Помнишь? ровно тому двѣ недѣли,
Въ эту пору умеръ злой прохожій.»

Вдругъ собака громко завyla,
Отворилася дверь сама собою,
И вошелъ великанъ, наклонившись,
Сълъ онъ, ноги подъ себя поджавши,
Потолка головою касаясь.
Онъ на Марка глядѣлъ неподвижно,
Неподвижно глядѣлъ на него Марко,
Очарованъ ужаснымъ его взоромъ;
Но старикъ, молитвенникъ раскрывши,
Запалилъ кипарисную вѣтку,
И подулъ дымъ на великана.
И затрясся Вурдалакъ проклятый,
Въ двери бросился, и бѣжать пустился,
Будто волкъ охотникомъ гонимый.
На другія сутки въ ту же пору
Песь залаялъ, дверь отворилась,
И вошелъ чловѣкъ незнакомый.
Былъ онъ ростомъ, какъ цесарскій рекрутъ.
Сълъ онъ молча и сталъ глядѣть на Марка,
Но старикъ молитвой его прогналъ.

Въ третій день вошелъ карликъ малый —
Могъ бы онъ верхомъ сидѣть на крысѣ,
Но сверкали у него злые глазки.
И старикъ въ третій разъ его прогналъ,
И съ тѣхъ поръ ужъ онъ не возвращался.



БОНАПАРТЬ И ЧЕРНОГОРЦЫ.

«Черногорцы? что такое?»

Бонапарте спросилъ:

«Правда ль: это племя злое,

«Не боится нашихъ силъ?»

«Такъ раскаются жь нахалы:

«Объявить ихъ старшинамъ,

«Чтобы ружья и кинжалы

«Всѣ несли къ моимъ ногамъ.»

Вотъ онъ шлетъ на насъ пѣхоту

Съ сотней пушекъ и мортиръ,

И своихъ мамлюковъ роту,

И косматыхъ кирасиръ.

Намъ сдаваться нѣтъ охоты —

Черногорцы таковы!

Для коней и для пѣхоты

Камни есть у насъ и рвы.

Мы засѣли въ наши норы
И гостей незваныхъ ждемъ;
Вотъ они вступили въ горы,
Истребляя все кругомъ.

Идутъ тѣсно подь скалами.
Вдругъ смятеніе! . . . Глядятъ:
У себя надъ головами
Красныхъ шапокъ видятъ рядъ.

«Стой! пали! Пусть каждый сбросить
Черногорца одного.
Здѣсь пощады врагъ не просить:
Не щадите жъ никого!»

Ружья грянули — упали
Шапки красныя съ шестовъ:
Мы подь ними ницъ лежали,
Притаясь между кустовъ.

Дружнымъ залпомъ отвѣчали
Мы Французамъ: «Это что?»
Удивясь, они сказали:
«Эхо что-ли?» Нѣтъ не то!

Ихъ полковникъ повалился,
Съ нимъ сто двадцать человекъ.
Весь отрядъ его смутился,
Кто какъ могъ пустился въ бѣгъ.

И Французы ненавидятъ
Съ той поры нашъ вольный край,
И краснѣютъ, коль завидятъ
Шапку нашу невзначай.



СОЛОВЕЙ.

—

Соловей мой, соловейко!
Птица малая лѣсная!
У тебя ль у малой птицы
Незамѣнныя три пѣсни;
У меня ли у молодца
Три великія заботы!
Какъ ужъ первая забота —
Рано молодца женили;
А вторая-то забота —
Воронъ конь мой притомился;
Какъ ужъ третья-то забота —
Красну дѣвицу со мною
Разлучили злые люди.
Выкопайте мнѣ могилу
Во полѣ, полѣ широкомъ,
Въ головахъ мнѣ посадите
Алы цвѣтики-цвѣточки,
А въ ногахъ мнѣ проведите

Чисту воду ключевую.
Пройдутъ мимо красны дѣвки,
Такъ сплетутъ себѣ вѣночки.
Пойдутъ мимо стары люди,
Такъ воды себѣ зачерпнутъ.



ПѢСНЯ О ГЕОРГІИ ЧЕРНОМЪ.

—

Не два волка въ оврагѣ грызутся —
Отець съ сыномъ въ пещерѣ бранится.
Старый Петро сына укоряетъ:
«Бунтовщикъ ты, злодѣй проклятый,
Не боишься ты Господа Бога:
Гдѣ тебѣ съ султаномъ тягаться,
Воевать съ Бѣлградскимъ пашею!
Аль о двухъ головахъ ты родился?
Проподай ты себѣ, окоянный,
Да зачѣмъ ты всю Сербію губишь?»
Отвѣчаетъ Георгій угрюмо:
«Изъ ума, старикъ, видно, выжилъ,
Коли лаешь безумныя рѣчи.»
Старый Петро пуще осердился,
Пуще онъ бранится, бушуетъ.
Хочетъ онъ отправиться въ Бѣлградъ,
Туркамъ выдать ослушнаго сына,
Объявить убѣжище Сербовъ.

Онъ изъ темной пещеры выходитъ;
Георгій старика догоняетъ:
«Воротися, отецъ, воротися!
«Отпусти мнѣ невольное слово.»
Старый Петро не слушаетъ, грозитъ:
«Вотъ ужо, разбойникъ, тебѣ будетъ!»
Сынъ ему впередъ забѣгаетъ,
Старику кланяется въ ноги.
Не взглянулъ на сына старый Петро.
Догоняетъ вновь его Георгій,
И хватаетъ за сивую косу.
«Воротись, ради Господа Бога:
Не введи ты меня въ искушенье!»
Отпихнулъ старикъ его сердито,
И пошелъ по Бѣлградской дорогѣ.
Горько, горько Георгій заплакалъ,
Пистолетъ изъ-за пояса вынулъ,
Взвелъ курокъ, да и выстрѣлилъ тутъ же;
Закричалъ Петро, зашатавшись:
«Помоги мнѣ, Георгій, я раненъ!»
И упалъ на дорогу бездыханенъ.
Сынъ бѣгомъ въ пещеру воротился;
Его мать вышла ему навстрѣчу.
«Что, Георгій, куда дѣлся Петро?»
Отвѣчаетъ Георгій сурово:
«За обѣдомъ старикъ пьянъ напился,
И заснулъ на Бѣлградской дорогѣ.» ²¹

Догадалась она, завопила:

«Будь же Богомъ проклять ты, черный,

Коль убилъ ты отца роднаго!»

Съ той поры Георгій Петровичъ

У людей прозывается Черный.



ВОЕВОДА МИЛОШЪ.

—

Надъ Сербіей смилуйся Ты, Боже!
Заѣдаютъ насъ волки-Янычары!
Безъ вины намъ головы рѣжутъ,
Нашихъ женъ обижаютъ, позорятъ,
Сыновей въ неволю забираютъ,
Красныхъ дѣвокъ заставляютъ въ насмѣшку
Распѣвать заторныя пѣсни
И плясать басурманскія пляски.
Старики даже съ нами согласны:
Унимать насъ они перестали —
Ужъ и имъ нестерпимо насилье.
Гусляры насъ въ глаза укоряютъ:
Долго ль вамъ мирволить Янычарамъ?
Долго ль вамъ терпѣть оплеухи?
Или вы ужъ не Сербы — Цыганы?
Или вы не мужчины — старухи?
Вы бросайте ваши бѣлые дома,

Уходите въ Велійское ущелье —
Тамъ гроза готовится на Турокъ,
Тамъ дружину свою собираетъ
Старый Сербинъ, воевода Милошъ.



ВУРДАЛАКЪ.

Трусовать былъ Ваня бѣдный:
Разъ онъ позднею порой
Весъ въ поту, отъ страха бѣдный,
Черезъ кладбище шель домой.

Бѣдный Ваня еле дышетъ;
Спотыкаясь, чуть бредетъ
По могиламъ; вдругъ онъ слышитъ —
Кто-то кость, ворча, грызетъ.

Ваня сталъ — шагнуть не можетъ.
Боже! думаетъ бѣднякъ,
Это вѣрно кости гложетъ
Красногубый Вурдалакъ.

Горе! мальи я несильный;
Сѣѣсть Упырь мѣня совсѣмъ,
Если самъ земли могильной
Я съ молитвою не сѣѣмъ.

Что-же? вмѣсто Вурдалака
(Вы представьте Вани злость!) —
Въ темнотѣ предъ нимъ собака
На могилѣ гложетъ кость.



СЕСТРА И БРАТЯ ²².

—

Два дубочка выросли рядомъ,
Между ними тонковерхая елка;
Не два дуба рядомъ выросали,
Жили вмѣстѣ два братца родные:
Одинъ Павель, а другой Радула,
А межъ ними сестра ихъ Елица.
Сестру братья любили всѣмъ сердцемъ,
Всякую ей оказывали милость;
Напослѣдокъ ей ножъ подарили
Золоченый въ серебряной оправѣ.
Огорчилась молодая Павлиха
На золовку, стало ей завидно;
Говорить она Радуловой любѣ:
«Невѣстушка, по Богу сестрица!
Не знаешь ли ты зелія такого,
Чтобъ сестра омерзѣла братьямъ?»
Отвѣчаетъ Радулова любя:
«По Богу сестра моя, невѣстка,

Я не знаю зеля такаго;
Хоть бы знала, тебѣ бѣ не сказала;
И меня братья мои любили,
И мнѣ всякую оказывали милость.»
Вотъ пошла Павлиха къ водопою,
Да зарѣзала коня воронаго,
И сказала своему господину:
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ей подарки:
Извела она коня воронаго.»
Сталь Елицу допытывать Павелъ:
«Зачто это? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я, братецъ — клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
Въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ Павлиха пошла въ садъ зеленый,
Сиваго сокола тамъ заколола,
И сказала своему господину:
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки:
Вѣдь она сокола заколола.»
Сталь Елицу допытывать Павелъ:
«Зачто это? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я, братецъ — клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»

И въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ Павлиха повечеру поздно
Ножъ украла у своей золовки,
И ребенка своего заколола
Въ колыбелькѣ его золоченой;
Рано утромъ къ мужу прибѣжала,
Громко воя и лице терзая;
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки:
Заколола у насъ она ребенка;
А когда еще ты мнѣ не вѣришь,
Осмотри ты ножъ ея злаченый.»
Вскочилъ Павелъ, какъ услышалъ это,
Побѣжалъ къ Елицѣ во свѣтлицу:
На перинѣ Елица почивала,
Въ головахъ ножъ висѣлъ злаченый,
Изъ ноженъ вынулъ его Павелъ —
Ножъ злаченый весь былъ окровавленъ.
Дернулъ онъ сестру за бѣлу руку:
«Ой, сестра, убей тебя Боже!
Извела ты коня вороного,
И въ саду сокода заколола;
Да за что ты зарѣзала ребенка?»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
Коли жъ ты не вѣришь моей клятвѣ,

Выведи меня въ чистое поле,
Привяжи къ хвостамъ коней борзыхъ,
Пусть они мое бѣлое тѣло
Разорвуть на четыре части.»
Въ ту пору братъ сестрѣ не повѣрилъ;
Вывелъ онъ ее въ чистое поле,
Привязалъ ко хвостамъ коней борзыхъ,
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросли тамъ алые цвѣточки;
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
Церковь тамъ надъ ней соорудилась.
Прошло малое послѣ того время,
Захворала молодая Павлиха:
Девять лѣтъ Павлиха все хвораетъ —
Выросла трава сквозь ея кости,
Въ той травѣ лютый змѣй гнѣздится,
Пьетъ ей очи, самъ уходитъ къ ночи.
Люто страдаетъ молода Павлиха;
Говоритъ она своему господину:
«Слышишь ли, господинъ ты мой, Павелъ,
Сведи меня къ золовкиной церкви,
У той церкви авось исцѣлюся.»
Онъ повелъ ее къ сестриной церкви,
И какъ были они уже близко,
Вдругъ изъ церкви услышали голосъ:
«Не входи, молодая Павлиха,

Здѣсь не будетъ тебѣ исцѣленья.»
Какъ услышала то молодая Павлиха,
Она молвила своему господину:
«Господинъ ты мой! прошу тебя Богомъ,
Не веди меня къ бѣлому дому,
А вяжи меня къ хвостамъ твоихъ коней,
И пусти ихъ по чистому полю.»
Своей любви послушался Павелъ,
Привязалъ ее къ хвостамъ своихъ коней,
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросли тамъ тернье да крапива;
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
На томъ мѣстѣ озеро провалило.
Воронъ конь по озеру выплываетъ,
За конемъ золоченая люлька,
На той люлкѣ сидитъ соколь-птица,
Лежитъ въ люлкѣ маленькій мальчикъ:
Рука матери у него подъ горломъ,
Въ той рукѣ теткинъ ножъ золоченый.



ЯНЫШЪ КОРОЛЕВИЧЪ ²³.

—

Полюбилъ королевичъ Янышъ
Молодую красавицу Елицу;
Любитъ онъ ее два красныя лѣта,
Въ третье лѣто вздумалъ онъ жениться
На Любусѣ, Чешской королевнѣ.
Съ прежней любовью идетъ онъ проститься.
Ей приносить съ червонцами чересь,
Да гремячія серги золотыя,
Да жемчужное тройное ожерелье;
Самъ ей вдѣлъ онъ серги золотыя,
Навязалъ на шею ожерелье,
Далъ ей въ руки съ червонцами чересь,
Въ обѣ щеки поцѣловалъ молча,
И поѣхалъ своею дорогою.
Какъ одна осталася Елица,
Деньги наземь она пометала,
Изъ ушей выдернула серги,

Ожерелье надвое разорвала,
А сама кинулась въ Мораву.
Тамъ на днѣ молодая Елица
Водяною царицей очнулась,
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницей.

Вотъ проходятъ три года и болѣ.
Королевичъ ѣздитъ на охотѣ,
Ѣздитъ онъ по берегу Моравы.
Захотѣлъ онъ коня воронаго
Напоить студеною водою.
Но лишь только запѣненную морду
Сунулъ конь въ студеную воду,
Изъ воды вдругъ высунулась ручка:
Хватъ коня за узду золотую!
Конь отдернулъ голову въ испугѣ.
На уздѣ виситъ Водяница
Какъ на удѣ пойманная рыбка.
Конь кружится по чистому лугу,
Потряся уздой золотою,
Но стряхнуть Водяницы не можетъ.
Чуть въ сѣдлѣ усидѣлъ королевичъ,
Чуть сдержалъ коня воронаго,
Осадивъ могучею рукою.
На траву Водяница прыгнула.
Говоритъ ей Янышь королевичъ :

«Расскажи, какое ты творенье:

Женщина ль тебя породила,
Иль Богомъ проклятая Вила?»

Отвѣчаетъ ему Водяница:

«Родила меня молодая Елица,
Мой отецъ Янышь королевичъ,
А зовуть меня Водяницей.»

Королевичъ при такомъ отвѣтѣ
Соскочилъ съ коня вороного,
Обнялъ дочь свою Водяницу,
И слезами заливаясь, молвилъ:

«Гдѣ, скажи, твоя мать Елица?
Я слыхалъ, что она потонула.»

Отвѣчаетъ ему Водяница:

«Мать моя царица водяная;
Она властвуетъ надъ всѣми рѣками,
Надъ рѣками и надъ озерами;
Лишь не властвуетъ она синимъ моремъ,
Синимъ моремъ властвуетъ дивъ-рыба.»

Водяницѣ молвилъ королевичъ:

«Такъ иди же къ водяной царицѣ,
И скажи ей: Янышь королевичъ
Ей поклонъ усердный посылаетъ,
И у ней свиданія просить
На зеленомъ берегу Моравы.
Завтра я заѣду за отвѣтомъ.»
Они послѣ того разстались.

Рано утромъ, чуть заря зардѣлась,
Королевичъ надъ рѣкою ходитъ;
Вдругъ изъ рѣчки, по бѣлыя груди,
Поднялась царица водяная,
И сказала: «Яньшъ королевичъ!
У меня свиданія просилъ ты:
Говори, чего еще ты хочешь?»
Какъ увидѣлъ онъ свою Елицу,
Разгорѣлись снова въ немъ желанья,
Сталъ манить ее къ себѣ на берегъ.
«Люба ты моя, млада Елица,
Выдь ко мнѣ на зеленой берегъ,
Поцалуй меня попрежнему сладко,
Попрежнему полюблю тебя крѣпко.»
Королевичу Елица не внимаетъ,
Не внимаетъ, головою киваетъ:
«Нѣтъ, не выду, Яньшъ королевичъ,
Я къ тебѣ на зеленый берегъ;
Слаще прежняго намъ не цаловаться,
Крѣпче прежняго меня не полюбишь.
Расскажи-ка мнѣ лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
Съ новой любой, съ молодой женою?»
Отвѣчаетъ Яньшъ королевичъ:
«Противъ солнышка луна не пригрѣетъ,
Противъ милой жена не утѣшитъ.»



ПРИМЪЧАНІЯ.

1. **Оома I** былъ тайно умерщвленъ своими двумя сыновьями, Стефаномъ и Радивоемъ въ 1460 году. Стефанъ ему наслѣдовалъ. Радивой, негодуя на брата за похищеніе власти, разгласилъ ужасную тайну и бѣжалъ въ Турцію къ Магомету II. Стефанъ, по внушенію папскаго легата, рѣшился воевать съ Турками. Онъ былъ побѣжденъ и бѣжалъ въ Ключь-городъ, гдѣ Магометъ осадилъ его. Захваченный въ плѣнъ, онъ не согласился принять Магометанскую вѣру, и съ него содрали кожу.
2. **Щиколодка**, по Московскому нарѣчію щиколка.
3. Такъ называютъ себя нѣкоторые Иллирійскіе раскольники.
4. *Фаланга*, палочные удары по пятамъ.
5. Радивой никогда не имѣлъ этого сана, и всѣ члены королевскаго семейства истреблены были султаномъ.
6. **Кафтанъ**, обыкновенный подарокъ султановъ.
7. **Анахронизмъ**.
8. **Трогательный обычай братованія**, у Сербовъ и другихъ западныхъ Славянъ, освящается духовными обрядами.
9. Неизвѣстно, къ какому происшествію относится эта пѣсня.

10. Потеря сраженія приписывается Далматамъ, ненавистнымъ для Влаховъ.
11. Жиды въ Турецкихъ областяхъ суть вѣчные предметы гоненія и ненависти. Во время войны имъ доставалось отъ мусульманъ и христіанъ. Участъ ихъ, замѣчаетъ В. Скоттъ, походить на участъ летучей рыбы — М.
12. Банялука, прежняя столица Боснійскаго пашалыка.
13. Селихтаръ, меченосецъ.
14. Всѣ народы почитали жабу ядовитымъ животнымъ.
15. Мицкевичъ перевелъ и украсилъ эту пѣсню.
16. Гайдукъ, глава, начальникъ. Гайдуки не имѣютъ пристанища и живутъ разбоями.
17. Западныя Славяне вѣрятъ существованію *упирей* (vampire). См. пѣсню *о Маркѣ Якубовичѣ*.
18. Мериме помѣстилъ въ началѣ своей *Guzla* извѣстіе о старомъ гуслярѣ Іакинѣ Маглановичѣ; не извѣстною, существовалъ ли онъ когда нибудь, но статья его Біографа имѣетъ необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобія. Книга Мериме рѣдка, и читатели, думаю, съ удовольствіемъ найдутъ здѣсь жизнеописаніе Славянина-поэта.

Notice sur Hyacinthe Maglanovich.

Hyacinthe Maglanovich est le seul joueur de Guzla que j'ai vu, qui fût aussi poète; car la plupart ne font que répéter d'anciennes chansons, ou tout au plus ne composent que des pastiches, en prenant vingt vers d'une ballade, autant d'une autre, et liant le tout au moyen de mauvais vers de leur façon.

Notre poète est né à Zuonigrad, comme il le dit lui-même dans sa ballade intitulée *l'Aubépine de Veliko*. Il

était fils d'un cordonnier, et ses parens ne semblent pas s'être donné beaucoup de mal pour son éducation, car il ne sait ni lire ni écrire. A l'âge de huit ans il fut enlevé par des *Tchingénehs* ou Bohémiens. Ces gens le menèrent en Bosnie, où ils lui apprirent leurs tours et le convertirent sans peine à l'islamisme, qu'ils professent pour la plupart *. Un *ayan* ou maire de Livno le tira de leurs mains et le prit à son service, où il passa quelques années.

Il avait quinze ans, quand un moine catholique réussit à le convertir au christianisme, au risque de se faire empaler s'il était découvert; car les Turcs n'encouragent point les travaux des missionnaires. Le jeune Hyacinthe n'est pas de peine à se décider à quitter un maître assez dur, comme sont la plupart des Bosniaques; mais, en se sauvant de sa maison, il voulut tirer vengeance de ses mauvais traitemens. Profitant d'une nuit orageuse, il sortit de Livno, emportant une pelisse et le sabre de son maître, avec quelques sequins qu'il put dérober. Le moine qui l'avait rebaptisé l'accompagna dans sa fuite, que peut-être il avait conseillée.

De Livno à Seign en Dalmatie il n'y a qu'une douzaine de lieues. Les fugitifs s'y trouvèrent bientôt sous la protection du gouvernement vénitien et à l'abri des poursuites de l'ayan. Ce fut dans cette ville que Maglanovich fit sa première chanson: il célébra sa fuite dans une ballade qui trouva quelques admirateurs et qui commença sa réputation *.

* Tous ces détails m'ont été donnés en 1817 par Maglanovich lui-même.

* J'ai fait de vains efforts pour me la procurer. Maglanovich lui-même l'avait oubliée, ou peut-être eut-il honte de me réciter son premier essai dans la poésie.

Mais il était sans ressources d'ailleurs pour subsister, et la nature lui avait donné peu de goût pour le travail. Grâce à l'hospitalité Morlaque, il vécut quelque temps de la charité des habitans des campagnes, payant son écot en chantant sur la guzla quelque vieille romance qu'il savait par cœur. Bientôt il en composa lui-même pour des mariages et des enterremens, et sut si bien se rendre nécessaire, qu'il n'y avait pas de bonne fête si Maglanovich et sa guzla n'en étaient pas.

Il vivait ainsi dans les environs du Scign, se souciant fort peu de ses parens, dont il ignore encore le destin, car il n'a jamais été à Zuonigrad depuis son enlèvement.

A vingt-cinq ans c'était un beau jeune homme, fort, adroit, bon chasseur et de plus poète et musicien célèbre; il était bien vu de tout le monde, et surtout des jeunes filles. Celle qu'il préférait se nommait Marie et était fille d'un riche Morlaque, nommé Zlarinovich. Il gagna facilement son affection et, suivant la coutume, il l'enleva. Il avait pour rival une espèce de seigneur du pays, nommé Uglian, lequel eut connaissance de l'enlèvement projeté. Dans les mœurs illyriennes l'amant dédaigné se console facilement et n'en fait pas plus mauvaise mine à son rival heureux; mais cet Uglian s'avisait d'être jaloux et voulut mettre obstacle au bonheur de Maglanovich. La nuit de l'enlèvement, il parut accompagné de deux de ses domestiques, au moment où Marie était déjà montée sur un cheval et prête à suivre son amant. Uglian leur cria de s'arrêter d'une voix menaçante. Les deux rivaux étaient armés suivant l'usage. Maglanovich tira le premier et tua le seigneur Uglian. S'il avait eu une famille, elle aura épousé sa querelle, et il n'aurait pas quitté le pays pour si peu de chose; mais il était sans parens pour l'aider, et il restait seul exposé à la ven-

geance de toute la famille du mort. Il prit son parti promptement et s'enfuit avec sa femme dans les montagnes, où il s'associa avec des Heyduques *.

Il vécut longtems avec eux, et même il fut blessé au visage dans une escarmouche avec les Pandours **. Enfin, ayant gagné quelque argent d'une manière assez peu honnête, je crois, il quitta les montagnes, acheta des bestiaux et vint s'établir dans le Kotar avec sa femme et quelques enfans. Sa maison est près de Smocovich, sur le bord d'une petite rivière ou d'un torrent qui se jette dans le lac de Vrana. Sa femme et ses enfans s'occupent de leurs vaches et de leur petite ferme; mais lui est toujours en voyage; souvent il va voir ses anciens amis les Heyduques, sans toutefois prendre part à leur dangereux métier.

Je l'ai vu à Zara pour la première fois en 1816. Je parlais alors très-facilement l'illyrique, et je désirais beaucoup entendre un poète en réputation. Mon ami, l'estimable voivode Nicolas ***, avait rencontré à Biograd, où il demeure, Hyacinthe Maglanovich, qu'il connaissait déjà, et sachant qu'il allait à Zara, il lui donna une lettre pour moi. Il me disait que, si je voulais tirer quelque chose du joueur de guzla, il fallait le faire boire; car il ne se sentait inspiré que lorsqu'il était à peu près ivre.

Hyacinthe avait alors près de soixante ans. C'est un grand homme, vert et robuste pour son âge, les épaules larges et le cou remarquablement gros; sa figure est prodigieusement basanée; ses yeux sont petits et un peu relevés du coin; son nez aquilin, assez enflammé par l'usage des liqueurs fortes; sa longue moustache blanche et ses gros sourcils noirs forment un ensemble que l'on oublie difficilement quand on l'a vu une fois. Ajoutez à

* Espèce de bandits.

** Soldats de la police.

cela une longue cicatrice qu'il porte sur le sourcil et sur une partie de la joue. Il est très-extraordinaire qu'il n'ait pas perdu l'œil en recevant cette blessure. Sa tête était rasée, suivant l'usage presque général, et il portait un bonnet d'agneau noir : ses vêtemens étaient assez vieux, mais encore très-propres.

En entrant dans ma chambre, il me donna la lettre du voivode et s'assit sans cérémonie. Quand j'eus fini de lire : vous parlez donc l'illirique, me dit-il d'un air de doute assez méprisant. Je lui répondis sur-le-champ dans cette langue que je l'entendais assez bien pour pouvoir apprécier ses chansons, qui m'avaient été extrêmement vantées. Bien, bien, dit-il; mais j'ai faim et soif : je chanterai quand je serai rassasié. Nous dinâmes ensemble. Il me semblait qu'il avait jeûné quatre jours au moins, tant il mangeait avec avidité. Suivant l'avis du voivode, j'eus soin de le faire boire, et mes amis, qui étaient venus nous tenir compagnie sur le bruit de son arrivée, remplissaient son verre à chaque instant. Nous espérions que quand cette faim et cette soif si extraordinaires seraient apaisées, notre homme voudrait bien nous faire entendre quelques-uns de ses chants. Mais notre attente fut bien trompée. Tout d'un coup il se leva de table et se laissant tomber sur un tapis près du feu (nous étions en Décembre), il s'endormit en moins de cinq minutes, sans qu'il y eut moyen de le réveiller.

Je fus plus heureux une autre fois : j'eus soin de le faire boire seulement assez pour l'animer, et alors il nous chanta plusieurs des ballades que l'on trouvera dans ce recueil.

Sa voix a dû être fort belle; mais alors elle était un peu cassée. Quand il chantait sur sa guzla, ses yeux s'animaient et sa figure prenait une expression de beauté sauvage, qu'un peintre aimerait à exprimer sur la toile.

Il me quitta d'une façon étrange: il demeurait depuis cinq jours chez moi, quand un matin il sortit, et je l'attendis inutilement jusqu'au soir. J'appris qu'il avait quitté Zara pour retourner chez lui; mais en même temps je m'aperçus qu'il me manquait une paire de pistolets anglais qui, avant son départ précipité, étaient pendus dans ma chambre. Je dois dire à sa louange qu'il aurait pu emporter également ma bourse et une montre d'or qui valaient dix fois plus que les pistolets qu'il m'avait pris.

En 1817 je passai deux jours dans sa maison, où il me reçut avec toutes les marques de la joie la plus vive. Sa femme et tous ses enfans et petits-enfans me sautèrent au cou, et quand je le quittai, son fils aîné me servit de guide dans les montagnes pendant plusieurs jours, sans qu'il me fût possible de lui faire accepter quelque récompense.

19. Вурдалаки, вудкодлаки, упыри, мертвецы, выходящіе изъ своихъ могилъ и сосущіе кровь живыхъ людей.
20. Лекарствомъ отъ укушенія упыря служить земля, взятая изъ его могилы.
21. По другому преданію, Георгій сказалъ товарищамъ: Старикъ мой умеръ; возьмите его съ дороги.
22. Прекрасная эта поэма взята мною изъ Собранія Сербскихъ пѣсень Вука Стефановича.
23. Пѣсня о Янышѣ Королевичѣ въ подлинникѣ очень длинна и раздѣляется на нѣсколько частей. Я перевелъ первую, и то не всю.



АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.



ДОРИДЪ.



Я вѣрю: я люблю; для сердца нужно вѣрить.
Нѣтъ, милая моя не можетъ лицемѣрить;
Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ,
Стыдливость робкая, харитъ безцѣнный даръ,
Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность
И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность.



Рѣдѣтъ облаковъ летучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины.
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ;
Онъ думы разбудилъ, уснувшія во мнѣ.
Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройны тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
И сладостно шумятъ полуденныя волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь.



НЕРЕИДА.

—

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду.
Сокрытый межъ деревь, едва я смѣлъ дохнуть:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую какъ лебедь, воздымала
И пѣну изъ власовъ струею выжимала.



ДОРИДА.

—

Въ Доридѣ нравятся и локоны златые,
И блѣдное лице, и очи голубыя.
Вчера, друзей моихъ оставя пиръ ночной,
Въ ея объятіяхъ я нѣгу пилъ душой;
Восторги быстрые восторгами смѣнялись,
Желанья гасли вдругъ и снова разгарались;
Я таялъ: но среди невѣрной темноты
Другія милья мнѣ видѣлись черты,
И весь я полонъ былъ таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.



МУЗА.

—

Въ младенцествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимада мнѣ съ улыбкой; и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустаго тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя Фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милого чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.



ДИОНЕЯ.

—

Хромидъ въ тебя влюбленъ: онъ молодъ, и неразъ
Украдкою вдвоемъ мы замѣчали васъ;
Ты слушаешь его, въ безмолвіи краснѣя;
Твой взоръ потупленный желаніемъ горитъ,
И долго послѣ, Діонея,
Улыбку нѣжную лице твое хранить.



ДѢВА.

—

Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой!
Я зналъ: она сердца влечетъ невольной силой.
Неосторожный другъ, я зналъ: нельзя при ней
Иную замѣчать, иныхъ искать очей.
Надежду потерявъ, забывъ измѣны сладость,
Пылаетъ близъ нея задумчивая младость;
Любимцы счастья, наперсники судьбы
Смирненно ей несутъ влюбленные мольбы:
Но дѣва гордая ихъ чувства ненавидитъ
И, очи опустивъ, не внемлетъ и не видитъ.



ПРИМѢТЫ.

—

Старайся наблюдать различныя примѣты.
Пастухъ и земледѣль въ младенческія лѣты,
Взглянувъ на небеса, на западную тѣнь,
Умѣютъ ужь предрѣчь и вѣтръ, и ясный день,
И майскіе дожди, молодыхъ полей отраду,
И мразовъ ранній хладъ; опасный винограду.
Такъ, если лебеди, на лонѣ тихихъ водъ
Плескаясь вечеромъ, окличутъ твой приходъ,
Иль солнце яркое зайдетъ въ печальны тучи;
Знай: завтра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь ревучій;
Иль бьющій въ окна градъ, а ранній селянинъ,
Готовясь ужь косить высокій злакъ долинъ,
Услыша бури шумъ, не выйдетъ на работу
И погрузится вновь въ лѣнливую дремоту.



ЗЕМЛЯ И МОРЕ.

—

Когда по синевѣ морей
Зефиръ скользитъ и тихо вѣтъ
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей
И челны на волнахъ ледѣтъ ;
Заботъ и думъ слагая грузъ,
Тогда лѣнюсь я веселѣ
И забываю пѣсни музъ :
Мнѣ моря сладкій шумъ милѣ.
Когда же волны по брегамъ
Ревутъ, кипятъ и пѣной плещутъ ,
И громъ гремитъ по небесамъ,
И молніи во мракѣ блещутъ ;
Я удаляюсь отъ морей
Въ гостепріимныя дубровы :
Земля мнѣ кажется вѣрнѣй,
И жалокъ мнѣ рыбакъ суровый :

Живеть на утломъ онъ челнѣ,
Игралице слѣпой пучины,
А я въ надежной тишинѣ
Внимаю шумъ ручья долины.



КРАСАВИЦА ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

—

Взгляни на милую, когда свое чело
Она предъ зеркаломъ цвѣтами окружаетъ,
Играетъ локономъ, и вѣрное стекло
Улыбку, хитрый взоръ и гордость отражаетъ.



СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО.

—

Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла . . .
Какъ долго медлилъ я, какъ долго не хотѣла
Рука предать огню всѣ радости мои! . . .
Но полно, часъ насталъ: гори, письмо любви!
Готовъ я; ничему душа моя не внемлетъ.
Ужъ пламя жадное листы твои пріемлетъ . .
Минуту! . . вспыхнули . . . пылаютъ . . . легкій дымъ
Віась теряется съ моленіемъ моимъ.
Ужъ перстня вѣрнаго утрата впечатлѣнъе,
Растопленный сургучъ кипитъ . . . О Провидѣнъе!
Свершилось! Темные свернулись листы;
На легкомъ пеплѣ ихъ завѣтныя черты
Бѣлѣютъ . . . Грудь моя стѣснилась. Пепель милой,
Отрада бѣдная въ судьбѣ моей унылой,
Останься вѣкъ со мной на горестной груди



САФФ.

—

Счастливый юноша, ты всѣмъ меня плѣнилъ:
Душою гордою и пылкой и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.



ДВИЖЕНІЕ.

—

Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ брадатый.
Другой смолчалъ и сталъ предъ нимъ ходить.
Сильнѣе бы не могъ онъ возразить;
Хвалили всѣ отвѣтъ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой примѣръ на память мнѣ приводитъ:
Вѣдь каждый день предъ нами солнце ходитъ,
Однако жъ правъ упрямый Галилей.



ДРУЖБА.

—

Что дружба? Легкій пыль похмѣлья,
Обиды вольный разговоръ,
Обмѣнь тщеславія, бездѣлья,
Иль покровительства позоръ!

.



БУРЯ.

—

Ты видѣлъ дѣву на скалѣ
Въ одеждѣ бѣлой надъ волнами,
Когда, бушуя въ бурной мглѣ,
Играло море съ берегами,
Когда лучъ молній озарялъ
Ее всечасно блескомъ альпимъ,
И вѣтеръ бился и леталъ
Съ ея летучимъ покрываломъ?
Прекрасно море въ бурной мглѣ
И небо въ блескахъ безъ лазури;
Но вѣрь мнѣ: дѣва на скалѣ
Прекраснѣй волнь, небесъ и бури.

—

СОЛОВЕЙ.

—

Въ безмолвіи садовъ, весной, во мглѣ ночей
Поеть надъ розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствуетъ, не внимлетъ,
И подъ влюбленный гимнъ колеблется и дремлетъ.
Не такъ ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэтъ, къ чему стремишься ты?
Она не слушаетъ, не чувствуетъ поэта;
Глядишь, она цвѣтетъ; взываешь — нѣтъ отвѣта.



ПОЭТЪ.

—

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погружень;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголь
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орель.
Тоскуеть онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;

Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы. . .



НАПЕРСНИКЪ.

—

Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ
Ловлю я жадно каждый крикъ:
Страстей безумныхъ и мятежныхъ
Какъ упоителенъ языкъ!
Но прекрати свои рассказы;
Таи, таи свои мечты:
Боюсь ихъ пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!



ВОСПОМИНАНІЕ.

—

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,
Въ то время для меня влчатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи nocturno живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ.
И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.



ПТИЧКА.

—

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью;
Зачто на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать?



ИНОСТРАНКЪ.

—

На языкѣ, тебѣ невнятною,
Стихи прощальныя пишу;
Но въ заблужденіи пріятномъ
Вниманья твоего прошу:
Мой другъ, доколѣ не увяну,
Въ разлукѣ чувство погубя,
Боготворить не перестану
Тебя, мой другъ, одну тебя.
На чуждыя черты взирая,
Вѣрь только сердцу моему,
Какъ прежде вѣрила ему,
Его страстей не понимая.



РОЗА.

—

Гдѣ наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
Такъ вянетъ младость!
Не говори:
Вотъ жизни радость!
Цвѣтку скажи:
Прости, жалѣю!
И на лилею
Намъ укажи.



СТАРИКЪ.

—

Ужъ я не тотъ любовникъ страстной,
Кому дивился прежде свѣтъ:
Моя весна и лѣто красно
Навѣкъ прошли, пропалъ и слѣдъ.
Амуръ, богъ возраста младаго!
Я твой служитель вѣрный былъ;
Ахъ, если бѣ могъ родиться снова,
Ужъ такъ ли бѣ я тебѣ служилъ!



УЕДИНЕНІЕ.

—

Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни,
Вдали взыскательныхъ невѣждъ,
Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрытъ, по милости Творца,
Отъ усыпителя глушца,
Отъ пробудителя нахала.



ЗОЛОТО И БУЛАТЬ.

—

Все мое, сказала злато;
Все мое, слазаль булатъ.
Все куплю, сказала злато;
Все возьму, сказалъ булатъ.



ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ.

—

Урну съ водой уронивъ, объ утесъ ее дѣва разбила.
Дѣва печально сидить, праздный держа черепокъ.
Чудо! не сякнетъ вода, изливаясьсь изъ урны разбитой;
Дѣва, надъ вѣчной струей, вѣчно печальна сидить.



ОТРОКЪ.

—

Неводъ рыбакъ разстиламъ по берегу студенаго моря;
Мальчикъ отцу помогаль. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи инья тебя ожидаютъ, инья заботы:
Будешъ умы уловлять, будешъ помощникъ царямъ.



РИФМА.

—

Эхо, безсонная нимфа, скиталась по берегу Пеней,
Фебъ, увидѣвъ ее, страстію къ ней воспылалъ.
Нимфа плодъ понесла восторговъ влюбленнаго бога;
Межъ говорливыхъ наядъ, мучась, она родила
Милую дочь. Ее пріяла сама Мнемозина.
Рѣзвая дѣва росла въ хорѣ богинь-аонидъ,
Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
Музамъ мила; на землѣ Рифмой зовется она.



НА ПЕРЕВОДЪ ИЛІАДЫ.

—

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллин-
ской рѣчи;
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.



НОВОСЕЛЬЕ.

—

Благословляю новоселье,
Куда домашній свой кумиръ
Ты перенесъ — а съ нимъ веселье,
Свободный трудъ и сладкій миръ.
Ты счастливъ: ты свой домикъ малой,
Обычай мудрости храня,
Отъ злыхъ заботъ и лѣни вялой
Застраховалъ, какъ отъ огня.



ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

—

I.

(Изъ Ксенофана Колофонскаго.)

Чистый лоснится полъ; стекляныя чаши блистають;
 Всѣ ужъ увѣнчаны гости; иной обоняетъ, зажмурясь,
 Ладона сладостный дымъ; другой открываетъ амфору,
 Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
 Свѣтлой, студеной воды, золотистые хлѣбы, янтарный
 Медъ и сыръ молодой — все готово; весь убранъ
 цвѣтами

Жертвенникъ. Хоры поють. Но въ началѣ трапезы,
 о други,

Должно творить возліянья, вѣщать благовѣщія рѣчи,
 Должно безсмертныхъ молить, да сподобятъ насъ
 чистой душою

Правду блюсти: вѣдь оно жъ и легче. Теперь мы
 приступимъ :

Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда не велика

Въ ночь, возвращаясь домой, на раба опираться;
но слава
Гостю, который за чашей бесѣдуетъ мудро и тихо!

II.

(Изъ Аеенея.)

Славная флейта, Феонъ, здѣсь лежитъ. Предводи-
теля хоровъ,
Старець ослѣпшій отъ лѣтъ, нѣкогда Скирпаль
родиль,
И вдохновенный, нарекъ младенца Феономъ. За чашей
Сладостно Вакха и музъ славиль пріятный Феонъ.
Славиль и Ватала онъ, молодого красавца: прохожій!
Мимо гробницы спѣша, вымолви: здравствуй, Феонъ!



РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.



ПРОБУЖДЕНІЕ.



Мечты, мечты!
Гдѣ вапа сладость?
Гдѣ ты, гдѣ ты,
Ночная радость?
Исчезнуль онь,
Весельй сонь,
И одинокой
Во тмѣ глубокой
Я пробуждёнъ.
Кругомъ постели
Нѣмая ночь.
Вмигъ охладѣли,
Вмигъ улетѣли
Толпою прочь

Любви мечтанья.
Еще полна
Душа желанья
И ловить сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь,
Внемли моленья:
Пошли мнѣ вновь
Свои видѣнья,
И поутру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Непробужденный.



ГРОБЪ АНАКРЕОНА.

—

Все въ таинственномъ молчаньи;
Холмъ одѣлся темнотою;
Ходить въ облачномъ сіяньи
Полумѣсяцъ молодой.
Вижу: лира надъ могилой
Дремлетъ въ сладкой тишинѣ;
Лишь порою звонъ унылый,
Будто лѣни голосъ милый,
Въ мертвой слышится струнѣ.
Вижу: горлица на лирѣ,
Въ розахъ кубокъ и вѣнецъ . . .
Други, здѣсь почіетъ въ мирѣ
Сладострастія мудрецъ.
Посмотрите: на порфирѣ
Оживилъ его рѣзецъ!
Здѣсь онъ въ зеркало глядится,
Говоря: я сѣдъ и старъ,
Жизнью дайте жъ насладиться;

Жизнь, увы, невѣчный дарь!
Здѣсь, поднявъ на лиру длани
И нахмуря важно бровь,
Хочетъ пѣть онъ бога брани,
Но поетъ одну любовь.
Здѣсь, готовится природѣ
Долгъ послѣдній заплатить:
Старецъ пляшетъ въ хороводѣ,
Жажду просить утолить.
Вкругъ любовника сѣдаго
Дѣвы скачутъ и поютъ;
Онъ у времени скупаго
Крадетъ нѣсколько минутъ.
Вотъ и музы и хариты
Въ гробъ любимца увели:
Плющемъ, розами увиты
Игры вслѣдъ за нимъ пошли...
Онъ исчезъ, какъ наслажденье,
Какъ веселый сонъ любви.
Смертный, вѣкъ твой привидѣнье:
Счастье рѣзвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся,
Чаще кубокъ наливай,
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай!



ВОЙНА.

—

Война! . . . Подъяты наконецъ,
Шумятъ знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздникъ мести!
Засвищеть вокругъ меня губительный свинець.
И сколько сильныхъ впечатлѣній
Для жаждущей души моей:
Стремленье бурныхъ ополченій,
Тревоги стана, звукъ мечей,
И въ роковомъ огнѣ сраженій
Паденье ратныхъ и вождей!
Предметы гордыхъ пѣснопѣній
Разбудятъ мой уснувшій геній.
Все ново будетъ мнѣ: простая сѣнь шатра,
Огни враговъ, ихъ чуждое званье,
Вечерній барабанъ, громъ пушки, визгъ ядра
И смерти грозной ожиданье.
Родишься ль ты во мнѣ, слѣпая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ?

Вѣнокъ ли мнѣ двойной достанется на часть,
Кончину ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ,
И все умереть со мной: надежды юныхъ дней,
Священный сердца жаръ, къ высокому стремленью,
Воспоминаніе и брата и друзей,
И мыслей творческихъ напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь? . . . Уже ль ни бранный шумъ,
Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы,
Ничто не заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?

Я таю, жертва злой отравы:

Покой бѣжить меня; нѣтъ власти надъ собой,
И тягостная лѣнь душою овладѣла . . .

Что жъ медлить ужасъ боевой?

Что жъ битва первая еще не закипѣла? . . .



ДРУЗЬЯМЪ.

—

Богами вамъ еще даны
Златые дни, златыя ночи,
И томныхъ дѣвъ устремлены
На васъ внимательныя очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечеръ скоротечной:
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнуса я.



ПРОЗЕРПИНА.

—

Плещуть волны Флегетона,
Своды тартара дрожать:
Кони блѣднаго Плутона
Быстро къ нимфамъ Пеліона
Изъ аида бога мчатъ.
Вдоль пустыннаго залива
Прозерпина вслѣдъ за нимъ,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путемъ однимъ.
Предъ богинею колѣна
Робко юноша склонилъ.
И богинямъ льститъ измѣна:
Прозерпинѣ смертный миль.
Ада гордая царица
Взоромъ юношу зоветъ,
Обняла, и колесница
Ужъ къ аиду ихъ несетъ:
Мчатся, облакомъ одѣты;

Видятъ вѣчные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Тамъ безсмертье, тамъ забвенье,
Тамъ утѣхамъ нѣтъ конца.
Прозерпина въ упоеньѣ,
Безъ порфиры и вѣнца,
Повинуется желаньямъ,
Предаетъ его лобзаньямъ
Сокровенныя красы,
Въ сладострастной нѣгѣ тонеть:
И молчить и темно стонеть...
Но бѣгутъ любви часы;
Плещуть волны Флегетона,
Своды тартара дрожать:
Кони блѣднаго Плутона
Быстро мчатъ его назадъ.
И Кереры дочь уходитъ,
И счастливца за собой
Изъ элизія выводитъ
Потаенною тропой:
И счастливецъ отпираетъ
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетаетъ
Сновидѣній ложный рой.



АМУРЬ И ГИМЕНЕЙ.

Сегодня, добрые мужья,
Повеселю васъ новой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Слѣпаго мальчика съ повязкой?
Слѣпаго?... Вотъ? Помилуй, Фебъ!
Амуръ совсѣмъ, друзья, не слѣпъ:
Но шалуну пришла жъ охота,
Чтобъ, людямъ на смѣхъ и на зло,
Его безуміе вело. ...
Безуміе ведетъ Эроса:
Но вдругъ, не знаю почему,
Оно наскучило ему.
Взялся за новую затѣю:
Повязку съ мыслыхъ снявъ очей,
Идетъ проказникъ къ Гименею...
А что такое Гименей?
Онъ сынъ Вулкана молчаливый,
Холодный, дряхлый и лѣнивый,

Ворчитъ и дремлетъ цѣлый вѣкъ,
А впрочемъ добрый человѣкъ,
Да нравъ имѣетъ онъ ревнивый.
Отъ ревности печальный богъ
Спокойно подремать не могъ;
Все трусилъ маленькаго брата,
За нимъ подсматривалъ тайкомъ,
И караулил супостата
Съ своимъ докучнымъ фонаремъ.
Вотъ мальчикъ мой къ нему подходитъ
И рѣчь коварную заводитъ:
«Развеселися, Гименей!
«Ну, помиримся, будь умнѣй!
«Забуди, товарищъ мой любезный,
«Раздоръ смѣшной и бесполезный!
«Да только навсегда, смотри!
«Возьми жъ повязку въ память, милый,
«А мнѣ фонарь свой подари!»
И что жъ? Повѣрилъ богъ унылый.
Амуръ отъ радости прыгнулъ,
И на глаза со всей онъ силы
Обнову брату затянулъ.
Гимена скучные дозоры
Съ тѣхъ поръ пресѣклись по ночамъ;
Его завистливые взоры
Теперь не страшны красотамъ;
Спокоенъ онъ, но братъ коварный,

Шутя надъ честью и надъ нимъ,
Войну ведётъ неблагодарный
Съ своимъ союзникомъ слѣпымъ.
Лишь сонъ на смертныхъ налетаетъ,
Амуръ въ молчаніи nocturno
Фонарь любовнику вручаетъ,
И самъ счастливица провожаетъ
Къ уснувшему супругу въ домъ;
Самъ отъ безпечнаго Гимена
Онъ охраняетъ тайну дверь...
Пойми меня, мой другъ Елена,
И мудрой новѣсти повѣрь!



РАЗЛУКА.

Въ послѣдній разъ, въ сѣни уединенья,
Моимъ стихамъ внимаешь нашъ пенатъ.

Лицейской жизни мильи братъ,
Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья.

Прошли лѣта соединенья;

Разорванъ онъ, нашъ вѣрный кругъ.

Прости! Хранимый небомъ,

Не разлучайся, другъ,

Съ свободою и Фебомъ!

Узнай любовь, невѣдомую мнѣ,

Любовь надеждъ, восторговъ, упоенья;

И дни твои полетомъ сновидѣнья

Да пролетать въ счастливой тишинѣ!

Прости! Гдѣ бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы,

При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,

Святому братству вѣренъ я.

И пусть (услышитъ ли судьба мои молитвы?)

Пусть будутъ счастливы всѣ, всѣ твои друзья!

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

—

Тебя ль я видѣлъ, милый другъ?
Или невѣрное то было сновидѣнье,
Мечтанье смутное, и пламенный недугъ
Обманомъ волновалъ мое воображенье?
Въ минуты мрачныя болезни роковой,
Ты ль, дѣва нѣжная, стояла надо мной
Въ одеждѣ война съ неловкостью пріятной?
Такъ, видѣлъ я тебя; мой тусклый взоръ узналъ
Знакомыя красы подъ сей одеждой ратной:
И слабымъ шепотомъ подругу я назвалъ...
Но вновь въ умѣ моемъ стѣснились мрачныя грезы:
Я слабою рукой искалъ тебя во мглѣ...
И вдругъ я чувствую твое дыханье, слезы
И влажный поцалуй на пламенномъ челѣ...
Безсмертные, съ какимъ волненьемъ
Желанья, жизни огнь по сердцу пробѣжалъ!
Я закипѣлъ, затрепеталъ!
И скрылась ты прелестнымъ привидѣньемъ.

Жестокій другъ, меня томишь ты упоеньемъ:

Приди, меня мертвить любовь!

Въ молчаньи благосклонной ночи

Явись, волшебница: пускай увижу вновь

Подъ грознымъ киверомъ твои небесны очи,

И плащъ, и поясъ боевой,

И бранной обувью украшенныя ноги...

Не медли, поспѣшай, прелестный воинъ мой,

Приди, я жду тебя: здоровья даръ благой

Мнѣ снова ниспослали боги,

А съ нимъ и сладкія тревоги

Любви таинственной и радости молодой.



ПРЕЛЕСТНИЦЪ.

—

Къ чему нескромнымъ симъ уборомъ,
Умилнымъ голосомъ и взоромъ
Младое сердце распалать,
И тихимъ, сладостнымъ укоромъ
Къ побѣдѣ легкой вызывать?
Къ чему обманчивая нѣжность,
Стыдливости притворный видъ,
Движеній томная небрежность
И трепеть усть и жаръ ланить?
Напрасны хитрыя старанья:
Въ порочномъ сердцѣ жизни нѣтъ...
Невольный хладъ негодованья
Тебѣ мой роковой отвѣтъ.
Твою прелестью надменной
Кто не владѣлъ во тмѣ ночной?
Скажи: у двери оцѣненной
Твоей обители презрѣнной
Кто смѣлой не стучалъ рукой?

Нѣтъ, нѣтъ, другому свой завялый
Неси, прелестница, вѣнокъ;
Ласкай неопытный порокъ,
Въ твоихъ объятіяхъ усталый;
Но гордый замысль забудь:
Не привлечешь питомца музы
Ты на предательскую грудь.
Неси другимъ наемны узы,
Своей любви постыдный торгъ,
Корысти хладныя лобзанья,
И принужденныя желанья,
И златомъ купленный восторгъ!



УЕДИНЕНІЕ.

Привѣтствую тебя; пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ

На лонѣ счастья и забвенья!

Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шумъ дубровъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

Я твой: люблю сей темный садъ

Съ его прохладой и цвѣтами,

Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумять.
Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбака бѣлѣетъ иногда,
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,

Вдали разсыпанныя хаты,

На влажныхъ берегахъ бродящія стада,

Овины дымные и мельницы крылаты;
Вездѣ слѣды довольства и труда.
Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденной,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя, иль глушца въ величїи неправомъ.
Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!
Въ уединенїи величаюмъ
Слышнѣе вашъ отраднѣйшій гласъ;
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ раждаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.
.....



•

ДОМОВОМУ.

—

Помѣстья мирнаго незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лѣсъ и дикій садикъ мой
И скромную семьи моей обитель!
Да не вредятъ полямъ опасный хладъ дождей
И вѣтра поздняго осенніе набѣги;
Да въ пору благотворны снѣги
Покроютъ влажный тукъ полей!
Останься, тайный стражъ, въ наслѣдственной сѣни,
Постигни робостью полуночнаго вора,
И отъ недружескаго взора
Счастливый домикъ охрани!
Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ,
Люби мой малый садъ и берегъ сонныхъ водъ
И сей укромный огородъ
Съ калиткой ветхою, съ обрушеннымъ заборомъ!

Люби зеленый скатъ холмовъ,
уга, измятые моей бродящей лѣнью,
Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ:
Они знакомы вдохновенью.



Погасло дневное свѣтило;
На море синее вечерній палъ туманъ.
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ.
Я вижу берегъ отдаленный,
Земли полуденной волшебные края:
Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаямъ упоенный...
И чувствую: въ очахъ родились слезы вновь;
Душа кипить и замираетъ;
Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ;
Я вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь,
И все, чѣмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило,
Желаній и надеждъ томительный обманъ...
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ.
Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнымъ
По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей,

Страны, гдѣ пламенемъ страстей
Впервые чувства разгарались,
Гдѣ музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались,
Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла
Моя потерянная младость,
Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новыхъ впечатлѣній,
Я васъ бѣжалъ, отечески края;
Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,
Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
Покоемъ, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, измѣнницы младыя,
Подруги тайныя моея весны златыя, .
И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца ранъ,
Глубокихъ ранъ любви, ничто не излечило...
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ...

ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГІЯ.

—

Гроза луны, свободы воинъ,
Покрытый кровію святой,
Чудесный твой отецъ, преступникъ и герой,
И ужаса людей и славы былъ достоинъ.
Тебя младенца онъ ласкалъ
На пламенной груди рукой окровавленной;
Твоей игрушкой былъ кинжалъ
Братоубійствомъ изощренной.
Какъ часто, возбудивъ свирѣпой мести жаръ,
Онъ молча надъ твоей невинной колыбелью
Убійства новаго обдумывалъ ударъ
И лепетъ твой внималъ и не былъ чуждъ веселью!
Таковъ былъ: сумрачный, ужасный до конца.
Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ отца
Смирненной жизни предъ небомъ искупила:
Съ могилы грозной къ небесамъ
Она, какъ сладкій эмиамъ,
Какъ чистая любви молитва восходила.



Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ
И младости моей мятежное теченье.
Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нѣтъ,
Что было мнѣ дано въ печаль и въ наслажденье,
 Что я любилъ, что измѣнило мнѣ.
Пускай я радости вкушаю неполнѣ;
Но ты, невинная, ты рождена для счастья.
Безпечно вѣрь ему, легучій мигъ лови:
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
 Для поцалуевъ сладострастья;
Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
Свѣтла какъ ясный день, младенческая совѣсть.
Къ чему тебѣ внимать безумства и страстей
 Незанимательную повѣсть?
Она твой тихій умъ невольно возмутить;
Ты слезы будешь лишь, ты сердцемъ содрогнешься;
Довѣрчивой души безопасность улетить,
И ты моей любви, быть можетъ, ужаснешься.
Быть можетъ, навсегда... Нѣтъ, милая моя,
Лишиться я боюсь послѣднихъ наслажденій.
Не требуй отъ меня опасныхъ откровеній:
Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я.



КЪ * * *

—

Зачѣмъ безвременную скуку
Зловѣщей думою питать,
И неизбѣжную разлуку
Въ уныньи робкомъ ожидать?
И такъ ужъ близокъ день страданья!
Одинъ, въ тиши пустыхъ полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянныхъ тобою дней:
Тогда изгнаньемъ и могилой,
Несчастный, будешь ты готовъ
Кушать хоть слово дѣвы милой,
Хоть легкій шумъ ея шаговъ.



АДЕЛІ.

—

Играй, Адель,
Не знай печали.
Хариты, Лель
Тебя вѣнчали
И колыбель
Твою качали.
Твоя весна
Тиха, ясна:
Для наслажденья
Ты рождена.
Чась упоенья
Лови, лови!
Младья лѣта
Отдай любви,
И въ шумѣ свѣта
Люби, Адель,
Мою свирѣль.



БАРАТЫНСКОМУ ИЗЪ БЕССАРАБИИ.

—

Сія пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державинымъ воспѣта
И славой Русскою полна.
Еще донывѣ тѣнь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ;
Она летитъ на сладкій зовъ
Питомцевъ музъ и Аполлона,
И съ нею часто при лунѣ
Брожу вдоль берега крутаго:
Но, другъ, обнять милѣе мнѣ
Въ тебѣ Овидія живаго.



ЕМУ ЖЕ.

—

Я жду обѣщаной тетради:
Что жъ медлишь, милый трубадуръ!
Пришли ее мнѣ Феба ради,
И награди тебя Амуръ.



Люблю вашъ сумракъ неизвѣстной
И ваши тайные цвѣты,
О вы, поэзіи прелестной
Благословенныя мечты!
Вы насъ увѣрили, поэты,
Что тѣни легкою толпой,
Отъ береговъ холодной Леты,
Слетаются на брегъ земной,
И невидимо навѣщаютъ
Мѣста, гдѣ было все милѣй,
И въ сновидѣньяхъ утѣшаютъ
Сердца покинутыхъ друзей;
Онѣ, безсмертіе вкушая,
Ихъ поджидаютъ въ элизей,
Какъ ждетъ на пиръ семья родная
Своихъ замедлившихъ гостей...
Но, можетъ быть, мечты пустыя —
Быть можетъ, съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя,
И чуждъ мнѣ будетъ міръ земной;
Быть можетъ, тамъ, гдѣ все блещаетъ

Нетлѣнной славой и красой,
Гдѣ чистый пламень пожираетъ
Несовершенство бытія,
Минутныхъ жизни впечатлѣній
Не сохранить душа моя,
Не буду вѣдать сожалѣній,
Тоску любви забуду я.



Ненастный день потухъ; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Какъ привидѣніе, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...

Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ.
Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходитъ;
Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;
Тамъ море движется роскошной пеленой
Подъ голубыми небесами...

Вотъ время: по горѣ теперь идетъ она
Къ брегамъ, потошненнымъ шумящими волнами;
Тамъ, подъ завѣтными скалами,
Теперь она сидитъ печальна и одна...
Одна... никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ;
Никто ея колѣнь въ забвеньи не цалуетъ;
Одна.. ничьимъ устамъ она не предаетъ
Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣлоснѣжныхъ.

.....

Никто ея любви небесной не достоинъ.

Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоенъ;

.....

Но если



НОЧЬ.

—

Мой голосъ для тебя и ласковый и томной
Тревожить позднее молчанье ночи темной.
Близъ ложа моего печальная свѣча
Горить; мои стихи, сливаясь и журча,
Текутъ, ручьи любви, текутъ, полны тобою.
Во тмѣ твои глаза блистають предо мною,
Мнѣ улыбаются, и звуки слышу я:
Мой другъ, мой нѣжный другъ... люблю... твоя... твоя.



Ты вянешь и молчишь; печаль тебя сѣдаетъ;
На дѣвственныхъ устахъ улыбка замираетъ.
Давно твоей иглой узоры и цвѣты
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Грустить. О, я знатокъ въ дѣвической печали;
Давно глаза мои въ душѣ твоей читали.
Любви не утаишь: мы любимъ, и какъ насъ,
Дѣвицы нѣжныя, любовь волнуетъ васъ.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, межъ ними,
Красавецъ молодой съ очами голубыми,
Съ кудрями черными? . . . Красѣешь? Я молчу,
Но знаю, знаю все; и если захочу,
То назову его. Не онъ ли вѣчно бродитъ
Вкругъ дома твоего и взоръ къ окну возводитъ?
Ты втайнѣ ждешь его. Идетъ, и ты бѣжишь,
И долго вслѣдъ за нимъ незримая глядишь.
Никто на праздникъ блистательнаго мая,
Межъ колесницами роскошными летая,
Никто изъ юношей свободнѣй и смѣлѣй
Не властвуетъ конемъ по прихоти своей.



КОВАРНОВАСТЬ.

—

Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей
Отвѣтствуетъ язвительнымъ молчаньемъ;
Когда свою онъ отъ руки твоей,
Какъ отъ змѣи, отдернетъ съ содроганьемъ;
Какъ, на тебя взоръ острый пригвоздя,
Качаетъ онъ съ презрѣньемъ головою;
Не говори: «онъ боленъ, онъ дитя,
Онъ мучится безумною тоскою;»
Не говори: «неблагодаренъ онъ;
Онъ слабъ и золь, онъ дружбы недостоинъ;
Вся жизнь его какой-то тяжелой сонъ.» . . .
Уже ль ты правъ? Уже ли ты спокоенъ?
Ахъ, если такъ, онъ въ прахъ готовъ упасть,
Чтобъ вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблялъ на злобное гоненье;
Но если ты затѣйливо явилъ
Пугливое его воображенье,

И гордую забаву находилъ
Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженьѣ;
Но если самъ презрѣнной клеветы
Ты про него невидимымъ былъ эхомъ;
Но если цѣпь ему накиннулъ ты
И соннаго врагу предалъ со смѣхомъ,
И онъ прочелъ въ нѣмой душѣ твоей
Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ:
Тогда ступай, не трать пустыхъ рѣчей —
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.



**ДВА ПУТНИКА.**

Сводъ неба мракомъ обложился;
Въ волнахъ Варяжскихъ лунный лучъ,
Сверкая межъ вечернихъ тучъ,
Столбомъ неровнымъ отразился.
Качаясь, лебедь на волнѣ
Заснуль, и все крутомъ почило;
Но вотъ по темной глубинѣ
Стремится бѣлое вѣтрило,
И блещетъ пѣна при лунѣ;
Летитъ испуганная птица,
Услыша близкій шумъ весла.
Чей это парусъ? Чья десница
Его во мракъ напярнула?
Ихъ двое. На весло нагбенный,
Одинъ, смиренный житель волнъ,
Гребетъ и къ югу править челнъ;
Другой, какъ волхвомъ пораженный,
Стоитъ недвижимъ; на берега

Глаза вперишь, не молвить слова,
И через челнь его нога
Перешагнуть уже готова.
Плывутъ. . . .

«Причаливай, старикъ!

Къ утесу правъ» — и въ волны вмигъ
Прыгнулъ пловецъ нетерпливой
И береговъ уже достигъ.
Межъ тѣмъ, рукой неторопливой
Другой, вътрело опустивъ,
Свой челнь къ утесу пригоняетъ,
Къ подошвамъ двухъ союзныхъ ивъ
Узломъ надежнымъ укрѣпляетъ,
И всходитъ медленной стѣпой
На берегъ дикой и крутой.
Кремень звучить, и пламя вкормъ
Далеко освѣтило море.
Суровый край! Громады скалъ
На берегу стоять угрюмомъ;
Объ нихъ мятежный бьется валь
И пѣна плещетъ; сосны съ шумомъ
Качаютъ старыя главы
Надъ зыбкой пеленой пучины;
Крутомъ ни цвѣта, ни травы,
Песокъ да мохъ; скалы, стремнины,
Вездѣ хранятъ клеймо грозомъ

И слѣдъ потоковъ истощенныхъ,
И тлѣють кости — пиръ волковъ
Въ разсѣлинахъ окровавленныхъ.
Къ огню заботливый старикъ
Простеръ нѣмѣющія руки.
Примѣты долготной муки,
Согбенны кости, тощій ликъ,
На коемъ время углубляло
Свои послѣдніе слѣды,
Одежда, обувь — все являло
Въ немъ дикость, нужду и труды.
Но кто же тотъ? Блится младость
Въ его лицѣ; какъ вешній цвѣтъ
Прекрасенъ онъ; но, мнится, радость
Его не знала съ дѣтскихъ лѣтъ;
Въ глазахъ потупленныхъ кручина;
На немъ одежда Славянина
И на бедрѣ Славянскій мечъ:
Славянь вотъ очи голубыя,
Вотъ ихъ и волосы златыя,
Волнами падшіе до плечь. — — —
Косматымъ рубищемъ одѣтый,
Огнемъ живительнымъ согрѣтый,
Старикъ забылся крѣпкимъ сномъ.
Но юноша, на перси руки
Задумчиво сложивъ крестомъ,
Сидитъ съ нахмуреннымъ челомъ

Проходитъ ночь, огонь погасъ,
Остыль и пепель; вотъ пучина
Бѣлѣтъ; близокъ утра часъ;
Нисходитъ сонъ на Славянина.

Видалъ онъ дальнія страны,
По сушѣ, по морю носился,
Во дни былые, дни войны,
На западѣ, на югѣ бился,
Дѣля добычу и труды
Съ суровымъ племенемъ Одена,
И передъ нимъ враговъ ряды
Бѣжали, какъ морская пѣна
Въ часъ бури къ чернымъ берегамъ.
Внималъ онъ радостнымъ хваламъ
И арфамъ Скальдовъ изступленныхъ,
Въ жилищѣ сильныхъ пировалъ
И очи дѣвъ иноплеменныхъ
Красою чуждой привлекалъ.
Но сладкій сонъ не переносить
Теперь героя въ край чужой,
Въ поля, гдѣ мчится бурный бой,
Гдѣ мечъ главы героевъ косить;
* Не видитъ онъ знакомыхъ скалъ
Кириаландіи печальной,
Ни Албіона, гдѣ искалъ
Кровавыхъ сѣчь и славы дальней;

Ему не снится шумъ валовъ;
Онъ позабылъ морскія битвы,
И пламя яркое костровъ,
И трубный звукъ, и лай ловитвы;
Другія грезы и мечты
Волнуютъ сердце Славянина:
Предъ нимъ Славянская дружина;
Онъ узнаетъ ея щиты,
Онъ снова простираетъ руки
Товарищамъ минувшихъ лѣтъ,
Забутымъ въ долги дни разлуки,
Которыхъ ужъ и въ мѣръ нѣтъ....
Межъ тѣмъ привычныя заботы
Средь усладительной дремоты
Тревожатъ душу старика:
Во снѣ онъ парусъ развиваетъ,
Плыветъ по волѣ вѣтерка,
Его тихонько увлекаетъ
Къ заливу свѣтлая рѣка,
И рыба сонная впадаетъ
Въ тяжелый неводъ старика;
Все тихо: море почиваетъ;
Но туча виснетъ; дальній громъ
Надъ звушной бездною грохочетъ,
И вотъ пучина надъ челномъ
Кипитъ, подьемлетъ, клокочетъ;
Напрасно къ вѣрнякамъ берегамъ

Несчастнѣй возвратиться хочеть,
Челнокъ трещить и — пополамъ!
Рыбакъ идетъ на дно морское,
И пробудясь, трепещеть онъ,
Глядитъ окрестъ: брега въ покоѣ;
На полусвѣтлый небосклонъ
Восходитъ утро золотое;
Съ деревъ, съ утесистыхъ вершинъ,
Навстрѣчу радостной денницы,
Щебеча, пометѣли птицы
И разсвѣло



СОЛОВЕЙ И КУКУШКА.

—

Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи празднои,
Весны пѣвецъ разнообразной
Урчить, и свищетъ, и гремитъ;
Но безтолковая кукушка,
Самолубивая болтушка,
Одно куку свое твердитъ,
И эхо вслѣдъ за нею тоже:
Накуковали намъ тоску!
Хоть убѣжать. Избавь насъ, Боже,
Отъ элегическихъ куку!



П. А. О * * * .

—

Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ
Въ изгнаньи мирномъ оставаться,
Вздыхать о милой старинѣ,
И сельской музѣ въ тишинѣ,
Душой безпечной предаваться.

Но и вдали, въ краю чужомъ
Я буду мыслію всегдашней
Бродить Тригорскаго кругомъ,
Въ лугахъ, у рѣчки, надъ холмомъ,
Въ саду подъ сѣнью липъ домашней.
Когда померкнетъ ясный день,
Одна изъ глубины могильной
Такъ иногда въ родную сѣнь
Летитъ тоскующая тѣнь
На милыхъ бросить взоръ умильной.



Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая,
Одинъ, ночной гребецъ, гондолой управляя,
При свѣтѣ Веспера по взморію плыветъ,
Ринальда, Годфреда, Эрминію поетъ.
Онъ любитъ пѣснь свою, поетъ онъ для забавы,
Безъ дальнихъ умысловъ; не вѣдаетъ ни славы
Ни страха, ни надеждъ, и тихой музы полнъ,
Умѣетъ усладить свой путь надъ бездной волнъ.
На морѣ жизненномъ, гдѣ бури такъ жестоко
Преслѣдуютъ во мглѣ мой парусъ одинокой,
Какъ онъ, безъ отзыва утѣшно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.



ЧЕРНЬ.

Procul este, profani.

Поэтъ по лирѣ вдохновенной
Рукой разсѣянной бряцалъ.
Онъ цѣль — а хладный и надменный
Кругомъ народъ непосвященный
Ему безмысленно внималъ.

И толковала чернь тупая:
«Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
О чемъ брэнчить? чему насъ учить?
Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучить
Какъ своенравный чародѣй?
Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
За то какъ вѣтеръ и бесплодна:
Какая польза намъ отъ ней?»

Поэтъ.

Молчи, безмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкой.
Ты червь земли, не сынъ небесъ;
Тебѣ бы пользы все — на вѣсь
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерской.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь богъ! ... такъ что же?
Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

Чернь.

Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Воблаго намъ употребляй:
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы слушаемъ тебя.

Поэтъ.

Подите прочь — какое дѣло
Поэту мирному до васъ!

Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживить васъ лиры гласъ;
Душѣ противны вы какъ гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры;
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметають соръ — полезный трудъ! —
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ —
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.



Сто лѣтъ минуло, какъ Гевтонъ
Въ крови невѣрныхъ окупался;
Страной полночной иравиль онъ.
Уже Прусакъ въ оковы вдался,
Или сокрылся — и въ Литву
Понесъ изгнанную главу.

Между враждебными берегами
Струился Нѣмешъ: на одномъ
Еще надъ древними стѣнами
Сіяли башни, и кругомъ
Шумѣли рощи вѣковыя,
Духовъ пристанища святыхъ.
Символь Германца, на другомъ
Крестъ вѣры, въ небо возносящій
Свои объятія грозящи,
Казалось, свыше захватить
Хотѣлъ всю область Палемона,
И племя чуждаго закона
Къ своей подошвѣ привлечь.

Съ медвѣжьей кожей на плечахъ,
Въ косматой рысей шапкѣ, съ пукомъ

Каленныхъ стрѣлъ и съ вѣрнымъ лукомъ,
Литовцы юные, въ толпахъ,
Со стороны одной бродили
И зорко недруга слѣдили.
Съ другой, покрытый шишакомъ,
Въ бронѣ закованный, верхомъ,
На стражѣ Нѣмецъ, за врагами
Недвижно слѣдуя глазами,
Пищаль съ молитвой заряжалъ.
Всякъ переправу охранялъ:
Токъ Нѣмена гостеприимной,
Свидѣтель ихъ вражды взаимной,
Сталъ прагомъ вѣчности для нихъ;
Сношеній дружныхъ гласъ утихъ,
И всякъ, переступившій воды,
Лишенъ былъ жизни иль свободы.
Лишь хмѣль Литовскихъ береговъ,
Нѣмецкой тополью плѣненный,
Черезъ рѣку, межъ тростниковъ,
Переправлялся дерзновенный,
Бреговъ противныхъ достигалъ
И друга нѣжно обнималъ.
Лишь соловьи дубравъ и горъ
Постаринѣ вражды не знали,
И въ островъ, общій съ давнихъ поръ,
Другъ къ другу въ гости прилетали.



ТЫ И ВЫ.

Пустое *вы* сердечнымъ *ты*
Она обмолвясъ замѣнила,
И всѣ счастливыя мечты
Въ душѣ влюбленной возбудила.
Предъ ней задумчиво стою;
Свести очей съ нея нѣтъ силы;
И говорю ей: какъ *вы* милы!
И мыслю: какъ *тебя* люблю!



Кобылица молодая,
Честь Кавказскаго тавра,
Что ты мчишься, удамая?
И тебѣ пришла пора;
Не косись пугливымъ окомъ,
Ногъ на воздухъ не мечи,
Въ полѣ гладкомъ и широкомъ
Своейравно не скачи.
Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
Въ мѣрный кругъ твой бѣгъ направлю
Укороченной уздой.



П. В. С * * * .

—

Я не люблю альбомовъ модныхъ:
Ихъ ослѣпительная смѣсь .
Аспазій нашихъ благородныхъ
Провозглашаетъ только смѣсь.
Альбомъ красавицы уѣздной,
Альбомъ домашній и простой,
Милѣй болтливостью любезной
И безыскусной пестротой.
Ни здѣсь, ни тамъ, скажу я смѣло,
Являются впрочемъ не хочу;
Но твой альбомъ другое дѣло,
Охотно данъ ему плачу.
Тобой питомцамъ Аполлона
Не изъ тщеславья онъ открытъ:
Царицъ ты любишь Геликона
И ими самъ не позабытъ;
Вхожу въ него прямымъ поэтомъ,
Какъ въ дружескій, пріятный домъ,
Почтивъ хозяина привѣтомъ
И ларь молитвеннымъ стихомъ.

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, стройный видъ,
Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и гранитъ —
Все же мнѣ васъ жаль немножко,
Потому что здѣсь порой
Ходитъ маленькая ножка,
Вьется локонъ золотой.



КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

—

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.



К. А. Б * * *.

—

Что можемъ наскоро стихами молвить ей?
Мнѣ истина всего дорожа .
Подумать не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй;
Подумавъ, я скажу все то же.



ЛИЛЪ.

—

Лила, Лила, я страдаю
Безотрадною тоской,
Я томлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой;
Но любовь моя напрасна:
Ты смѣешься надо мной.
Смѣйся, Лила: ты прекрасна
И безчувственной красой



КЪ * * *.

—


Не спрашивай, зачѣмъ унылой душой
Среди забавъ я часто огорченъ,
Зачѣмъ на все поднимаю взоръ угрюмой,
Зачѣмъ не милъ мнѣ сладкой жизни сонъ?
Не спрашивай, зачѣмъ душой остылой
Я разлюбилъ веселую любовь,
И никого не называю милой?
Кто разъ любилъ, ужъ не полюбитъ вновь;
Кто счастье зналъ, ужъ не узнаетъ счастья.
На краткій мигъ блаженство намъ дано:
Отъ юности, отъ нѣгъ и сладострастья
Останется уныніе одно.



ИМЯНИНЫ.

—

Умножайте шумъ и радость;
Пойте пѣсни въ добрый часъ
Дружба, грація и младость
Имянинницы у насъ.
Между тѣмъ дитя крылато,
Васъ привѣтствуя, друзья,
Втайнѣ думаетъ: когда-то
Имянинникъ буду я?



КЪ ПОРТРЕТУ * * *

—

Судьба свои дары явить желала въ немъ,
Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И простодушіе съ язвительной улыбкой.



ВЕСЕЛЫЙ ПИРЪ.

—

Я люблю вечерній пиръ,
Гдѣ веселье предсѣдатель,
А свобода, мой кумиръ,
За столомъ законодатель,
Гдѣ до утра слово пей
Заглушаетъ крики пѣсень,
Гдѣ просторенъ кругъ гостей,
А кружокъ бутылокъ тѣсень.



На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла;
Шумить Арагва предо мною.
Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла;
Печаль моя полна тобою, ;
Тобой, одной тобой . . . Унынья моего
Ничто не мучить, не тревожить,
И сердце вновь горить и любить — отъ того,
Что не любить оно не можетъ.



Не плѣняйся бранной славой,
О красавецъ молодой!
Не бросайся въ бой кровавой
Съ Карабахскою толпой!
Знаю: смерть тебя не встрѣтитъ;
Азраиль, среди мечей,
Красоту твою замѣтитъ —
И пощада будетъ ей!
Но боюсь: среди сраженій
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движеній,
Предель нѣги и стыда!



Поѣдемъ, я готовъ; куда бы вы, друзья,
Куда бѣ ни вздумали, готовъ за вами я
Повсюду слѣдовать, надменной убѣгая:
Къ подножію ль стѣны далекаго Китая,
Въ кипящій ли Парижъ, гуда ли наконецъ,
Гдѣ Тасса не поетъ уже ночной гребецъ,
Гдѣ древнихъ городовъ подъ пепломъ дремлютъ мощи,
Гдѣ кипарисныя благоухаютъ роши,
Повсюду я готовъ. Поѣдемъ . . . но, друзья,
Скажите: въ странствіяхъ умретъ ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную дѣву,
Или къ ея ногамъ, ея младому гнѣву,
Какъ дань привычную, любовь я принесу?
.....



Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей утасла не совсѣмъ;
Но пусть она васъ больше не тревожитъ;
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.
Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ;
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.



Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? Я встрѣчаю
Слугу, несущаго мнѣ утромъ чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нѣтъ? и можно ли постель
Покинуть для сѣдла, иль лучше до обѣда
Возиться съ старыми журналами сосѣда?
Пороша. Мы встаемъ, и тотчасъ на коня,
И рысью по полю при первомъ свѣтѣ дня;
Арапники въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами;
Глядимъ на блѣдный снѣгъ прилѣжными глазами;
Кружимся; рыскаемъ и поздней ужъ порой,
Двухъ зайцевъ протравивъ, являемся домой.
Куда какъ весело! Вотъ вечеръ: вьюга воетъ,
Свѣча темно горитъ; стѣсняясь, сердце ноетъ;
По каплѣ, медленно глотаю скуки ядъ.
Читать хочу — глаза надъ буквами скользятъ,
А мысли далеко . . . Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу, насильно вырываю
У музы дремлющей несвязныя слова:
Ко звуку звукъ нейдетъ . . . теряю всѣ права
Надъ рифмой, надъ моею прислужницею странной:

Стихъ вяло тянется, холодный и туманной.
Усталый, съ лирою я прекращаю споръ,
Иду въ гостиную; тамъ слышу разговоръ
О близкихъ выборахъ, о сахарномъ заводѣ;
Хозяйка хмурится вподобіе погодѣ,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червоннаго гадаеть короля.
Тоска! Такъ день за днемъ идетъ въ уединеньѣ!
Но если подвечеръ въ печальное селенье,
Когда за пашками сижу я въ уголкѣ,
Прійдетъ издали въ кибиткѣ иль возкѣ
Нежданая семья: старушка, двѣ дѣвицы,
(Двѣ бѣлокурныя, двѣ стройныя сестрицы),
Какъ оживляется глухая сторона!
Какъ жизнь, о Боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательныя взоры,
Потомъ словъ нѣсколько, потомъ и разговоры,
А тамъ и дружный смѣхъ, и пѣсни вечеркомъ,
И вальсы рѣзвые, и шопоть за столомъ,
И взоры томныя, и вѣтренныя рѣчи,
На узкой лѣстницѣ замедленныя встрѣчи;
И двѣ всумерки выходятъ на крыльцо:
Открыта шея, грудь, и въюга ей въ лицо!
Но бури сѣвера не вредны Русской розѣ.
Какъ жарко поцалуй пылаеть на морозѣ!
Какъ двѣ Русская свѣжа въ пыли снѣговъ!



Счастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ,
Въ службѣ, въ картахъ и пирахъ;
Ты St.-Priest въ карриатурахъ,
Ты Нелединскій въ сѣткахъ;
Ты прострѣленъ на дуэль,
Ты разрубленъ на войнѣ —
Хоть герой ты въ самомъ дѣлѣ,
Но повѣса ты вполнѣ.



ОТВѢТЪ.

—

Я васъ узналъ, о мой оракуль,
Не по узорной пестротѣ
Сихъ недописанныхъ каракуль;
Но по веселой остротѣ,
Но по привѣтствіямъ лукавымъ,
Но по насмѣшливости злой
И по упрекамъ . . . столь неправымъ,
И этой прелести живой.
Съ тоской невольной, съ восхищеньемъ
Я перечитываю васъ
И восклицаю съ нетерпѣньемъ:
Пора! въ Москвѣ, въ Москву сейчасъ!
Здѣсь городъ чопорный, унылой,
Здѣсь рѣчи — ледъ, сердца — гранитъ;
Здѣсь нѣтъ ни вѣтренности милой,
Ни музъ, ни Пр . . . , ни харитъ.



Tel j'étais autrefois et tel je suis encor.

Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я:
Безпечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать безъ умиленья,
Безъ робкой нѣжности и тайнаго волненья.
Ужъ мало ли любовь играла въ жизни мной?
Ужъ мало ль бился я, какъ ястребъ молодой,
Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, раскинутыхъ Кипридой:
А неисправленный стократною обидой,
Я новымъ идоламъ несу мои мольбы . . .



Подъѣзжая подъ Ижоры,
Я взглянулъ на небеса
И вспомнилъ ваши взоры,
Ваши синіе глаза.
Хоть я грустно очарованъ
Вашей дѣвственной красой,
Хоть вампиромъ именованъ
Я въ губерніи * * *;
Но колѣнъ моихъ предъ вами
Преклонить я не посмѣлъ
И влюбленными мольбами
Васъ тревожить не хотѣлъ.
Упиваясь непріятно
Хмелемъ свѣтской суеты,
Позабуду, вѣроятно,
Ваши милыя черты,
Легкій станъ, движеній стройность,
Осторожный разговоръ,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смѣхъ и хитрый взоръ.

Если жъ нѣтъ . . . по прежню слѣду
Въ ващи мирные края
Черезъ годъ опять заѣду
И влюблюсь до Ноября.



РАЗГОВОРЪ

КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ. *

—

Книгопродавецъ.

Стишки для васъ одна забава,
Немножко стоитъ вамъ присѣсть.
Ужъ разгласить успѣла слава
Вездѣ пріятнѣйшую вѣсть:
Поэма, говорятъ, готова,
Плодъ новый умственныхъ затѣй.
И такъ рѣшите; жду я слова;
Назначьте сами цѣну ей.
Стишки любимца музъ и грацій
Мы вмѣгъ рублями замѣнимъ,
И въ пукъ наличныхъ ассигнацій
Листочки ваши обратимъ.

* Былъ напечатанъ при первой главѣ Онегина.

О чемъ вздохнули такъ глубоко,
Не лъзя ль узнать?

Поэтъ.

Я былъ далеко:

Я время то воспоминалъ,
Когда, надеждами богатый,
Поэтъ безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, не изъ платы.
Я видѣлъ вновь пріюты скалъ
И темный кровъ уединенья,
Гдѣ я на кирь воображенья,
Бывало, музу призывалъ.
Тамъ слаще голосъ мой звучалъ;
Тамъ долъ яркія видѣнья,
Съ неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
Въ часы ночнаго вдохновенья.
Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;

Въ ней грезы чудныя рождались;
Въ размѣры стройныя стекались
Мои послушныя слова
И звонкой рифмой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихоръ буйной,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шепотъ рѣчки тихоструйной.
Тогда, въ безмолвіи трудовъ,
Дѣлиться не былъ я готовъ
Съ толпою иламеннымъ восторгомъ,
И музы сладостныхъ даровъ
Не унижалъ постыднымъ торгомъ;
Я былъ хранитель ихъ скупой:
Такъ точно, въ гордости нѣмой,
Отъ взоровъ черни лицемѣрной
Дары любовницы молодой
Хранить любовникъ суевѣрной.

Книгопродавецъ.

Но слава замѣнила вамъ
Мечтанья тайнаго отрады:
Вы разошлись по рукамъ,
Межъ тѣмъ, какъ пыльныя громады
Лежалой прозы и стиховъ
Напрасно ждуть себѣ чтецовъ
И вѣтренной ея награды.

Поэтъ.

Блаженъ, кто про себя тайль
Души высокія созданья,
И отъ людей, какъ отъ могиль,
Не ждалъ за чувство воздаянья!
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
И, терномъ славы неувитый,
Презрѣнной чернью забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ!
Обманчивѣй и сновъ надежды,
Что слава? Шошотъ ли чтеца?
Гоненье ль низкаго невѣжды?
Иль восхищеніе глуша?

Книгопродавецъ.

Лордъ Байронъ былъ того же мнѣнья;
Жуковскій то же говорилъ:
Но свѣтъ узналъ и раскупилъ
Ихъ сладкозвучныя творенья.
И впрямъ, завиденъ вашъ удѣлъ:
Поэтъ казнить, поэтъ вѣнчать!
Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ стрѣлъ
Въ потомствѣ дальнемъ поражаетъ;
Героевъ утѣшаетъ онъ;
Съ Коринной на Киеерскій тронъ
Свою любовницу возноситъ.
Хвала для васъ докучный звонъ;
Но сердце женщинъ славы проситъ:

Для нихъ пишете; ихъ ушамъ
Пріятна лестъ Анакреона:
Въ младыя лѣта розы намъ
Дороже лавровъ Геликона.

Поэтъ.

Самолюбивыя мечты,
Утѣхи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,
Искалъ вниманья красоты.
Глаза прелестныя читали
Меня съ улыбкою любви;
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои:
Но полно; въ жертву имъ свободы
Мечтатель ужъ не принесетъ;
Пускай ихъ юноша поетъ,
Любезный баловень природы.
Что мнѣ до нихъ? Теперь въ глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Стонъ лиры вѣрной не коснется
Ихъ легкой, вѣтренной души;
Нечисто въ нихъ воображенье:
Не понимаетъ насъ оно,
И, признакъ Бога, вдохновенье —
Для нихъ и чуждо и смѣшно.
Когда на память мнѣ невольно
Придетъ внушенный ими стихъ,

Я содрогаюсь, сердцу больно:
Мнѣ стыдно идиоловъ моихъ.
Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унижилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?

Книгопродавецъ.

Люблю вашу гнѣвъ. Таковъ поэтъ!
Причины вашихъ огорченій
Мнѣ знать нельзя; но исключеній
Для милыхъ дамъ ужели нѣтъ?
Ужели ни одна не стоитъ
Ни вдохновенья, ни страстей,
И вашихъ пѣсень не присвоить
Всесильной красотѣ своей?
Молчите вы.

Поэтъ.

Зачѣмъ поэту

Тревожить сердца тяжкій сонъ?
Безплодно память мучить онъ.
И что жъ? Какое дѣло свѣту?
Я всѣмъ чужой. Душа моя
Хранить ли образъ незабвенный?
Любви блаженство зналъ ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таилъ я слезы въ тишинѣ?
Гдѣ ты была, которой очи,

Какъ небо, улыбались мнѣ?
Вся жизнь, одна ли, двѣ ли ночи?
.....
И что жъ? Докучный стонъ любви,
Слова покажутся мои
Безумца дикимъ лепетаньемъ.
Тамъ сердце ихъ пойметъ одно,
И то съ печальнымъ содроганьемъ:
Судьбою такъ ужъ рѣшено.
Ахъ, мысль о той души завялой
Могла бы юность оживить,
И сны поэзіи бывалой
Толпою снова возмутить!
Она одна бы разумѣла
Стихи неясные мои;
Одна бы въ сердце пламенѣла
Лампадой чистою любви.
Увы, напрасныя желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земныхъ восторговъ изліянья,
Какъ божеству, ненужно ей.
Книгопродавецъ.
И такъ, любовью утомленной,
Наскуча лепетомъ молвы,
Заранѣ отказались вы
Отъ вашей лиры вдохновенной.

Теперь, оставя шумный свѣтъ,
И музъ, и вѣтренную моду,
Что жъ изберете вы?

Поэтъ.

Свободу!

Книгопродавецъ.

Прекрасно. Вотъ же вамъ совѣтъ;
Внемлите истинѣ полезной:
Нашъ вѣкъ торгашъ; въ сей вѣкъ желѣзной
Безъ денегъ и свободы нѣтъ.
Что слава? Яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.
Намъ нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!
Предвижу ваше возраженье;
Но васъ я знаю, господа:
Вамъ ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кишитъ, бурлитъ воображенье;
Оно застынетъ, и тогда
Постыло вамъ и сочиненье.
Позвольте просто вамъ сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что жъ медлить? Ужъ ко мнѣ заходятъ
Нетерпѣливые чтецы;
Вкругъ лавки журналисты бродятъ,

За ними тощѣ пѣвцы:

Кто проситъ пищи для сатиры,

Кто для души, кто для пера;

И, признаюсь, отъ вашей лиры

Предвижу много я добра.

Поэтъ.

Вы совершенно правы. Вотъ вамъ моя рукопись.

Условимся.



ИЗЪ А. ШЕНЬЕ.

—

Покровъ, упитанный язвительною кровью,
Кентавра жгущій даръ, ревнивою любовью
Алкиду переданъ. Алкидъ его пріялъ.
Въ божественной крови ядъ быстрый побѣжалъ.
Се — ярый мученикъ, въ ночи скитаясь, воетъ;
Стопами тяжкими вершину Эты роетъ;
Гнетъ, ломитъ дресеса; исторженныя ши
Высоко громоздитъ; его рукой они
Въ костеръ навалены; онъ ихъ зажегъ; онъ всходитъ;
Недвижимъ на костръ онъ въ небо взоръ возводитъ.
Подъ мышцей палица; въ ногахъ Немейскій левъ
Разостланъ. Дунулъ вѣтръ; поднялся свистъ и ревъ;
Треща, горитъ костеръ; и вскорѣ пламя, воя,
Уноситъ къ небесамъ безсмертный духъ героя.



РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ САТИРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ.)

—

Начнемъ ab ovo:

Мой Езерскій
Происходилъ отъ тѣхъ вождей,
Чей въ древни вѣки парусъ дерзкій
Поработилъ брега морей.
Одульфъ, его начальникъ рода,
Вельми бѣ грозенъ воевода
(Гласить Софійскій хронографъ).
При Ольгѣ, сынъ его Варлафъ
Пріялъ крещенье въ Цареградѣ
Съ приданнымъ Греческой княжны.
Отъ нихъ два сына рождены,
Якубъ и Дорофей. Въ засадѣ
Убить Якубъ, а Дорофей
Родилъ двѣнадцать сыновей.

Ондрей, по прозвищу Езерскій,
Родиль Ивана да Илью,
И въ Лаврѣ схимился Печерской.
Отсель фамилію свою
Ведуть Езерскіе. При Калкѣ
Одинъ изъ нихъ былъ схваченъ въ свалкѣ,
А тамъ раздавленъ какъ комаръ
Задами тяжкими Татаръ.
За то на Куликовомъ полѣ
Другой Езерскій, Елизаръ,
Упился кровію Татаръ,
Между Непрядвою и Дономъ,
Ударя стѣла въ таборъ ихъ
Съ дружиной Суздальцевъ своихъ.

Въ вѣка старинной нашей славы,
Какъ и въ худыя времена,
Крамоль и смуть во дни кровавы
Блестятъ Езерскихъ имена.
Они и въ войскѣ, и въ совѣтѣ,
На воеводствѣ и въ отвѣтѣ *
Служили доблестно царямъ.
Изъ нихъ Езерскій Варлаамъ
Гордыней славился боярской;
За споръ то съ тѣмъ онъ, то съ другимъ,

* Въ посольствѣ.

Съ большимъ безчестьемъ выводимъ
Бываль изъ-за трапезы царской,
Но снова шель подъ тяжкій гнѣвъ
И умерь, Сицкихъ *пересльв* *.

Когда отъ Думы величавой
Пріяль Романовъ свой вѣнецъ,
Какъ подъ отеческой державой
Русь отдохнула наконецъ,
А наши вороги смирились:
Тогда Езерскіе явились
Въ великой силѣ при Дворѣ,
При Императорѣ Петрѣ
Но извините: статья можетъ,
Читатель, вамъ я досадилъ;
Ващъ умъ духъ вѣка просвѣтилъ,
Вась спѣсь дворянская не гложеть,
И нужды нѣтъ вамъ никакой
До вашей книги родовой.

Кто бъ ни былъ вашъ родоначальникъ,
Мстиславъ, князь Курбскій, иль Ермакъ,
Или Митюшка цаловальникъ,

* *Пересльв* кого, старинное выраженіе, значить
занять мѣсто выше.

Вамъ все равно. Конечно, такъ:
Вы презираете отцами,
Ихъ славой, честію, правами
Великодушно и умно;
Вы отреклись отъ нихъ давно,
Прямаго просвѣщенья ради,
Гордясь (какъ общей пользы другъ)
Красою *собственныхъ заслугъ*,
Звѣздой двоюроднаго дяди,
Иль приглашеніемъ на балъ
Туда, гдѣ дѣдъ вашъ не бывалъ.

Я самъ, хоть въ книжкахъ и словесно
Собратья надо мной трунять,
Я мѣщанинъ, какъ вамъ извѣстно,
И въ этомъ смыслѣ демократъ;
Но каюсь: новый Ходаковской *,
Люблю отъ бабушки Московской
Я толки слушать о роднѣ,
О толстобрюхой старинѣ.
Мнѣ жаль, что нашей славы звуки
Уже намъ чужды; что проста
Изъ баръ мы лѣземъ въ tiers-état;
Что намъ не впрокъ пошли науки,

* Извѣстный любитель древности, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

И что спасибо намъ за то
Не скажетъ, кажется, никто.

Мнѣ жаль, что тѣхъ родовъ боярскихъ
Блѣднѣетъ блескъ и никнетъ духъ;
Мнѣ жаль, что нѣтъ князей Пожарскихъ,
Что о другихъ пропаль и слухъ;
Что ихъ поносить и Фигляринъ;
Что Русскій вѣтренный бояринъ
Считаетъ грамоты царей
За пыльный сборъ календарей;
Что въ нашемъ теремѣ забытомъ
Ростетъ пустынная трава;
Что геральдическаго льва
Демократическимъ копытомъ
Теперь лягаетъ и осель:
Духъ вѣка вотъ куда зашелъ!

Вотъ почему, архивы роя,
Я разбиралъ въ досужный часъ
Всю родословную героя,
О комъ затѣялъ свой расказъ,
И здѣсь потомству заповѣдалъ.
Езерскій самъ же твердо вѣдалъ,
Что дѣдъ его, великій мужъ,
Имѣлъ двѣнадцать тысячъ душъ;
Изъ нихъ отцу его досталась

Осьмая часть, и та сполна
Была давно заложена
И ежегодно продавалась;
А самъ онъ жалованьемъ жилъ
И регистраторомъ служилъ.



Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарѣлись, и никнуть въ тишинѣ
Главою лавровой.

Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда остановлюсь предъ нимъ, и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣ гляжу,
Тѣмъ болѣ томимъ я грустію тяжелой.

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Крутомъ — густая мгла;
За нимъ — военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье —
Но Доу далъ ему такое выраженье.

О вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслию великой;
И въ имени твоёмъ звукъ чуждый не влюбя,
Своими криками преслѣдую тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,

Ругался надъ твоей священной сѣдиною.
 И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
 Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ
 И долго укрѣплень могущимъ убѣжденьемъ,
 Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
 И на полуцуги былъ долженъ наконецъ
 Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
 И власть, и замысль, обдуманнѣе глубоко,
 И въ полковыхъ рядахъ сокрытъя одиноко.
 Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
 Свинца веселый свистъ слышавшій впервой,
 Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти, —
 Вотще! —

.

.
 О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
 Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
 Какъ часто мимо васъ проходитъ человекъ,
 Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
 Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
 Поэта приведетъ въ восторгъ и въ умиленье!

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

—

	<i>Стр.</i>
БАЛЛАДЫ.	
Русалка.....	7
Черная шаль.....	10
Пѣснь о вѣщемъ Олгѣ.....	12
Женихъ.....	17
Утопленникъ.....	25
Бѣсы.....	29
Гусарь.....	32
Будрысъ и его сыновья.....	38
Воевода.....	41
ПРОСТОНАРОДНЫЯ СКАЗКИ.	
Сказка о царѣ Салтанѣ, о сынѣ его, славномъ и могучемъ богатырѣ князѣ Гвидонѣ Салтановичѣ и о прекрасной царевнѣ Лебеди.....	47
Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ.....	89
Сказка о золотомъ пѣтушкѣ.....	113
Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ.....	125
ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.	
Предисловіе.....	139
Видѣніе короля.....	143
Янко Марнавичъ.....	147
Битва у Зеницы-Великой.....	150
Феодоръ и Елена.....	153
Влахъ въ Венеціи.....	158

	<i>Стр.</i>
Гайдукъ Хризичъ	160
Похоронная пѣсня	162
Марко Якубовичъ	164
Бонапартъ и Черногорцы	168
Соловей	171
Пѣсня о Георгіи Черномъ	173
Воевода Милошъ	176
Вурдалакъ	178
Сестра и братья	180
Янышъ королевичъ	185
Примѣчанія	189

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Доридъ	199
<i>Рѣдѣтъ облаковъ летучая гряда</i>	200
Нереида	201
Дорида	202
Муза	203
Діонея	204
Дѣва	205
Примѣты	206
Земля и море	207
Красавица передъ зеркаломъ	209
Сожженное письмо	210
Сафо	211
Движеніе	212
Дружба	213
Буря	214
Соловей	215
Поэтъ	216
Наперсникъ	218
Воспоминаніе	219
Птичка	220
Иностранкъ	221

	<i>Стр</i>
Роза	222
Старикъ	223
Уединеніе	224
Золото и булатъ	225
Царскосельская статуя	226
Отрокъ	227
Рифма	228
На переводъ <i>Иліады</i>	229
Трудъ	230
Новоселье	231
Подражанія древнимъ	232

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Пробужденіе	237
Гробъ Анакреона	239
Война	241
Друзьямъ	243
Прозерпина	244
Амуръ и Гименей	246
Разлука	249
Выздоровленіе	250
Прелестницъ	252
Уединеніе	254
Домовому	256
<i>Погасло дневное свѣтило</i>	258
Дочери Карагеоргія	260
<i>Мой другъ, забыты мной и. т. д.</i>	261
Къ ***	262
Адели	263
Баратынскому изъ Бессарабіи	264
Ему же	265
<i>Люблю вашъ сумракъ неизвѣстной</i>	266
<i>Ненастный день потухъ и. т. д.</i>	268
Ночь	270

	<i>Стр.</i>
<i>Ты вьнешь и молишь</i> н. т. д.	271
Коварность	272
Два путника	274
Соловей и кукушка	280
П. А. О * * *	281
<i>Близъ мѣсть, гдѣ царствуетъ</i> н. т. д.	282
Чернь	283
<i>Сто лѣтъ минуло</i> н. т. д.	286
Ты и вы	288
Кобылица молодая	289
И. В. С * * *	290
<i>Городъ пышный</i> н. т. д.	291
Къ портрету Жуковского	292
К. А. Б * * *	293
Ляль	294
Къ * * *	295
Имянины	296
Къ портрету * * *	297
Веселый пиръ	298
<i>На холмахъ, Грузіи лежитъ ночная мела</i>	299
<i>Не пльняйся бранной славой</i>	300
<i>Польдемъ, я готовъ</i> н. т. д.	301
<i>Я васъ любилъ</i> н. т. д.	302
<i>Зима. Что дѣлатъ намъ</i> н. т. д.	303
<i>Счастливъ ты въ прелестныхъ дуряхъ</i>	305
Отвѣтъ	306
<i>Каковъ я прежде былъ</i> н. т. д.	307
<i>Подъѣзжая подъ Ижоры</i>	308
Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ	310
Изъ А. Шенье	319
Родословная моего героя	320
Полководецъ	325

